

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

В ПЫЛУ
ЛЮБОВНОГО УГАРА

Писательница Алена Дмитриева

Елена Арсеньева

В пылу любовного угара

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

В пылу любовного угара / Е. А. Арсеньева — «Автор»,
2008 — (Писательница Алена Дмитриева)

ISBN 978-5-699-30513-1

Однажды писательница-детективщица Алена Дмитриева стала свидетельницей похищения двух девушек. Ими оказались корреспондентки газеты «Карьерист», отправленные в Сормов за материалами о героине Отечественной войны Лизе Петропавловской. Пока писательница все это выясняла, вернулись... девушки. Их действительно похитили и потребовали одного – не лезть куда не надо. В результате Дмитриева вмешалась в чужую разборку, о чем очень скоро пожалела. Ожидая в гости любовника и решив подшутить, она не глядя открыла дверь с криком «Руки вверх!» и направила на него газовую «беретту». Но в коридоре стоял... один из похитителей. Алена от неожиданности выстрелила, тот убежал. А на следующий день к ней явились милиционеры с обыском, так как якобы поступило заявление, что она незаконно хранит оружие...

ISBN 978-5-699-30513-1

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

* * *	7
* * *	15
* * *	19
* * *	25
* * *	28
* * *	35
* * *	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Арсеньева

В пылу любовного угара

Все, что было не со мной, – помню.

Р. Рождественский

Иногда главное – не оглядываться. Идешь себе – ну, и иди. Показалось что-то – перекрестись, как советует народная мудрость. Кстати, она же и советует не оглядываться. Возьмите какую хотите сказку – непременно герой должен идти вперед, а назад смотреть – ни-ни. Или вспомним Орфея. Его ведь предупреждали: когда поведешь Эвридику из Аида, ни в коем случае не оборачивайся, однако он обернулся – и вот вам результат: лишился навеки Эвридики, а потом и сам погиб, растерзанный менадами. А ведь кто знает, как бы сложилась его судьба, если бы он не оглянулся тогда, уходя из Аида... Главное, предупреждали же! Нет, как об стенку горох...

Вот Алёну Дмитриеву никто не предупреждал. Поэтому ее некоторым образом можно извинить за то, что она обернулась. Обыкновенное женское любопытство – ну что с ним поделаешь! Опять же – померещилось знакомое лицо, а никак не могла вспомнить, кто это. Ну и обернулась, чтобы посмотреть на двух девушек, которые как раз садились в серый «Ниссан». Та, на которую оглянулась Алёна, тоже бросила на нее любопытствующий взгляд и даже вроде бы улыбнулась, но наша героиня (имеется в виду Алёна Дмитриева, если кто-то еще не понял, о ком пойдет речь в романе) уже решила, что ошиблась, что никогда раньше той барышни не видела и явно приняла ее за кого-то другого. А может, и видела, но не помнила. Может быть, они даже были мимолетно знакомы.

Что и говорить, память у нашей героини была короткая, короче некуда, из-за чего она не единожды попадала в неловкое положение. С другой стороны, Алёна Дмитриева какая-никакая, а писательница. Не слишком, конечно, известная, но все же не совсем лыком шита. Кстати, из-за своей известности-неизвестности Алёна совсем недавно попала в прелюбопытнейшую историю, изрядно обогатившую как ее жизненный опыт, так и представления о собственной ценности. Ситуация, между нами говоря, сложилась трагикомическая, но наша героиня выбралась из нее не только со славой, но и с бонусом ¹.

Впрочем, что слава? Она же, прежде всего слава мирская, проходит, как... ну, как-то *так* она проходит. Помните, по-латыни: *sit transit gloria mundi*... И всю жизнь мечтала Алёна уточнить, что же там за *sit* такое особенное, какой смысл вкладывали в него премудрые латиняне. Ан нет, бросили фразочку, но не позаботились пояснить, каким же особенным *sit*’ом та самая *gloria mundi* берет да и *transit*... А впрочем, ключевое слово здесь именно *transit* – проходит, проходит слава, хоть тресни...

Размышляя об этом, Алёна пошла себе дальше, своим, как писали в русских былинах, путем-дороженькой, начисто забыв про двух девушек, которые садились в серый «Ниссан». А те сели-таки туда, и черноглазый, улыбочивый, донельзя любезный молодой человек захлопнул за ними дверцу и сел рядом с водителем.

– Что за тетка вам глазки строила? – спросил со смешком. – Знакомая или как?

Девушки переглянулись. Их озадачил и сам вопрос, в котором прозвучала еле уловимая скабрёзность, даже сальность, – вот как-то умудрился молодой человек ему такой оттенок придать! – и удивительно то, что черноглазый, обаятельный и любезный красавчик мгновенно перестал быть обаятельным и любезным. И даже как бы красоты в нем поубавилось.

---

¹ Эту историю можно прочесть в романе Елены Арсеньевой «Академия оболъщения» (издательство «Эксмо»).

И тут черт потянул за язык одну из девушек... а может быть, черт тут был совершенно ни при чем, просто она инстинктивно почувствовала беду, которой почему-то не предчувствовала раньше, и попыталась ее отвести, хоть как-то себя обезопасив. В общем, она сказала:

– Да, знакомая. Писательница здешняя, очень известная – Алёна Дмитриева. Знаете такую?

– Нет, – покачал головой молодой человек и покаянно улыбнулся. У него была очаровательная улыбка, добрая и открытая, имеющая, впрочем, такое же отношение к доброте и открытости, как слезы крокодила – к жалости. Не более чем сокращение лицевых мускулов и демонстрация великолепных зубов (это мы об улыбке, понятное дело). – Пелевина знаю, а Дмитриеву какую-то... Нет.

– А вот я Пелевина не люблю! – задиристо откликнулась девушка и прошлась насчет его сине-зеленой кислотности.

На что молодой человек возразил, причем стало ясно, что он читал Пелевина побольше, чем девушка, и ей стало неловко. Она разгорячилась, немедленно начала ввязываться в спор ради спора, ничего уже вокруг не видела, не обращала никакого внимания ни на что. Даже на то, куда их вез молчаливый, лишь изредка ухмыляющийся водитель. И так продолжалось до тех пор, пока ее подруга, которая участия в споре не принимала, потому что вообще никого не читала, ни Пелевина, ни Дмитриевой, ни графа Л.Н. Толстого (бывают, бывают такие люди, и их даже больше, чем вам кажется!), не ткнула ее в бок и не спросила встревоженно:

– Слушай, а где это мы?

Вообще-то она и раньше удивлялась, что машина едет вроде бы не совсем туда, куда подруги хотели добраться, то есть в центр Сормова, а по каким-то извилистым, окольным путям. Она даже спросила водителя, а тот буркнул: объезд, мол, дорога ремонтируется, знаков, что ли, не видела? Она не видела знаков, но промолчала, потому что на всю жизнь усвоила правило, которое в пору ее детства было запечатлено в каждом средстве общественного транспорта: «Во время движения не отвлекайте водителя разговорами!» Вот она и не отвлекала. Кроме того она привыкла к тому, что «мужчина лучше знает». Но вот теперь подспудное беспокойство вырвалось наружу.

Тогда и первая девушка наконец-то глянула в окошко – и изумилась. Они находились на какой-то окраине. Несколько невзрачных домиков, вызывающих в памяти невразумительное словосочетание «народная стройка», торчали среди заброшенных, заросших сорняками садовых участков с полусгнившими деревьями и уродливыми пнями, словно и сами были такими же пнями.

– Слушайте... эй, слушайте... – забормотала девушка, мигот испугавшись и забыв и про Пелевина, и про Алёну Дмитриеву, и про все остальное на свете. – А правда, где мы? Почему... Нам же в центр Сормова надо было! А это что? Вы куда нас привезли? Зачем?

– Ничего, девушки, разберемся, – успокоительно сказал обаятельный любитель Пелевина и улыбнулся чарующе. – Вы давайте выходите.

А поскольку они не тронулись с места, вцепившись в кожаную обивку сидений, он выключил улыбку, как выключают свет, и рявкнул:

– Выходите, живо, ну!

Девушки дружно зажмурились от страха и не двинулись с места, но через мгновение знающая Алёна Дмитриевой услышала пронзительный визг подруги – и открыла глаза, понимая, что сейчас увидит нечто ужасное. И в самом деле увидела – любезный молодой человек держал в руке пистолет, и его черное дуло упиралось в лоб ее подруги...

* * *

– Откуда она тут взялась? Нет, объясните, откуда она тут взялась?!

– Mein Gott, уgomонитесь, фон Шубенбах, не кричите так. Ясно же, что она тут взялась из воды.

– Извольте шутить, обер-лейтенант? А между тем мне не до шуток. Откуда вдруг посреди реки взялась эта женщина?!

– Возможны следующие варианты, фон Шубенбах: а, бэ, цэ. Вариант «а»: фрейлейн – сирена, русалка, жительница подводных глубин, морских и речных, которая выглянула на поверхность, чтобы спеть нам свою чарующую песнь и увлечь на дно, где сама она обитает в роскошном дворце. Не приходилось читать в детстве сказки некоего Ганса-Христиана Андерсена? Ах, ну конечно нет. Я почему-то сразу так и подумал.

– Андерсен? Подозрительная фамилия. Он, наверное...

– Нет, успокойтесь, у господина Андерсена вполне арийское происхождение, он датчанин, потомок тех самых викингов, которые так милы сердцу нашего фюрера. К тому же сей господин отошел к праотцам более полувека назад.

– Тогда при чем он тут вообще?

– Всего лишь при том, что у него есть сказка об одной такой Nixe, русалке, которая настолько сильно влюбилась в некоего простоватого принца, что ради него рассталась со своим рыбьим хвостом и обрела две ножки – полагаю, столь же прелестные, как и у фрейлейн, которая так мило лежит на траве. И все же, думаю, мы видим не русалку. Сейчас объясню, почему именно я так думаю. В Париже, откуда я прибыл совсем недавно, – ах, какой город, фон Шубенбах, и какие там женщины! – частенько говорят: Nobless oblige, то есть положение обязывает. А потому русалка должна была явиться пред нами, попросту сказать, ну ², а не в купальном костюме, как наша прелестная утопленница. Это все, что я хотел сказать о варианте «а». Теперь о варианте под литерой «бэ». Полагаю, именно он пришел вам в голову – судя по вашим прищуренным глазам, фон Шубенбах. Вы наверняка решили, что бесчувственная красотка – диверсантка с русской подводной лодки, которая, очевидно, лежит на дне реки. Фрейлейн всплыла на поверхность в надежде обворожить вас и с вашей помощью получить доступ к неким секретным документам, которыми вы как помощник главного военного следователя, конечно, располагаете. Сама по себе версия хороша, не спорю, однако, учитывая глубину сей речушки, особенно на отмелях, я не могу вообразить даже бочку, которая могла бы незаметно залечь на дно, не то что полноценную подводную лодку. Так что вариант «бэ» мы тоже можем считать несостоятельным. Остается версия «цэ», и ее я готов считать самой правдивой.

– И в чем она состоит?

– Да в том, что наша незнакомка заплывла сюда с той стороны пляжа, где расположились brave ребята из гестапо. Определенно, она – подружка какого-нибудь обершарфюрера СС, неустанного борца против мифических подпольщиков.

– Почему вы называете их мифическими?

– Да потому, что они – как персонажи мифов: их никто не видел, но все о них знают и из уст в уста передают сказания об их «героических деяниях».

– Героических деяниях?! Советую вам быть поосторожней в выборе слов, обер-лейтенант Вернер!

– Да ладно вам, фон Шубенбах, я употребил это слово исключительно в кавычках.

– Вот как? Хм... Смотрите, вы здесь на фронте, а не в Париже или Берлине, под крыльшком папеньки-фабриканта. Что же касается ваших пресловутых версий, то я, пожалуй,

---

² Обнаженная; голая (франц.).

предпочел бы, чтобы данная особа оказалась не русалкой, а партизанкой. Мы отволокли бы ее в гестапо, и я наконец получил бы отпуск. Смотрите-ка, Вернер, у нее дрожат ресницы... Она приходит в себя! Откройте глаза, фрейлейн. Откройте глаза! Разве вы не понимаете, что я говорю?

...Лиза вздохнула, неохотно открыла глаза. Она лежала на травянистой полоске узкого островка, который находился посреди не слишком широкой и совсем не бурной реки. С некоторым усилием Лиза села и огляделась. Левый берег был высок, обрывист и покрыт аккуратными пеньками. Вдали, метров через сто, начинался довольно густой лес, и можно было предположить, что некоторое время назад он подходил к самой реке, а потом его вырубili. Теперь на берегу стояли несколько солдат в серо-зеленой форме, в касках, с автоматами и ручными пулеметами, направленными на лес. Под берегом притулилась лодка, в которой тоже сидели автоматчики.

Увидела она солдат и на противоположном берегу. Они стояли редкой цепью вдоль дороги, сквозившей за реденькой рощицей. Половина солдат в цепи была в серо-зеленых мундирах, половина – в черных. А между их цепью и водой резвились веселые компании полудетых людей. Мужчины были в купальных трусах или плавках, женщины кое-кто в модных купальниках, а кое на ком Лиза увидела самые обычные майки, заправленные в обычные розовые или голубые трусы и для шику перехваченные ремешками. Ну что ж, в конце концов, они тут собрались не для спортивных состязаний, где требовалась форма, а чтобы развлечься. И развлекались самым непринужденным образом. Небольшая компания играла в волейбол; много народу плескалось в воде; кто-то лежал на разостланных полотенцах и загорал, благо солнце было ярким и жарким; несколько молодых людей старательно уткнулись в книжки, демонстративно не обращая внимания на визг и смех, которые раздавались из-за кустов (ведь некоторые из отдыхающих были уже навеселе и вели себя совершенно непринужденно с легко одетыми девицами). Слышались звуки гармоники, и приятный голос громко, хоть и несколько фальшиво, выводил:

Около казармы,
У самых у ворот,
Фонарь стоит высокий,
Горит он круглый год.
И мы с тобой, в любви горя,
Стояли здесь, у фонаря.
Моя Лили Марлен.
Моя Лили Марлен...

По берегу туда-сюда сновал человек в серой форме с неуклюжей, громоздкой кинокамерой в руках. Он подбегал то к волейболистам, то к купальщикам, то заглядывал за кусты, откуда слышались дурашливые крики. Один раз в оператора полетела бутылка, и больше он в кусты не совался, целиком переключившись на волейболистов.

– Вы с таким любопытством озираетесь, как будто с луны на землю свалились! – засмеялся кто-то рядом. – Ну взгляните же наконец и на нас, грешных, все же мы в некотором роде ваши спасители!

Лиза повернула голову и наконец-то удостоила взглядом двух молодых людей, стоявших рядом.

Один из них – высоченный, плечистый, атлетического сложения блондин (вообще его вполне можно было назвать даже белобрысым с ярко-голубыми глазами). Его мускулистое тело

было очень белокожим, и солнце уже оставило на нем следы. «Если не оденется, то запросто сгорит», – подумала Лиза и оглянулась на второго молодого человека.

Тот смотрелся не столь эффектно: и ростом пониже, и в плечах поуже, и волосы всего лишь темно-русые, и глаза самые обыкновенные серые. Однако в его глазах, устремленных на Лизу, светилось столько откровенного мужского интереса, что она невольно смутилась.

– По-хорошему, именно нас, скромных героев, должен был запечатлеть сей досужий ловец сенсаций, – сказал он, кивая на оператора с камерой, и в его глазах сверкнула насмешка. Лиза узнала голос того, кого называли Вернером. А «белокурая бестия» – конечно, фон Шубенбах. – Какая жалость, что его не оказалось рядом, когда мы тащили вас из реки. Вот была бы трогательная иллюстрация к истории жизни доблестных вояк на новых территориях рейха! Одно дело – играть с местными красотками в мячик, и совсем другое – нырять за ними черт знает на какую глубину!

С чистого голубого неба светило жаркое солнце, дул теплый, ласковый ветерок, а между тем Лизу пробрал озноб. Она отвела взгляд от серых блудливых глаз Вернера и уставилась на серебристо поблескивающую воду. Ее колотило все сильнее, она даже плечи обхватила руками, пытаясь утишить эту дрожь.

– Спасибо, – пробормотала Лиза. – Я вам очень... я вам страшно благодарна.

– Надеюсь, вы понимаете по-немецки лучше, чем говорите, – весело сказал Вернер, – иначе все те многочисленные комплименты, которые я хотел вам расточить, пропадут втуне.

– Вы кошмарный болтун, Вернер, – пробурчал фон Шубенбах. – Почему вы уверены, что всем девушкам на свете нужны ваши дешевые комплименты?

– А почему вы убеждены, что они настолько дешевые? – с обиженным выражением спросил Вернер. – А вообще говоря, комплименты – независимо от цены и качества – нужны всем девушкам на свете. И чем скорей вы это поймете, фон Шубенбах, тем более счастливо проживете остаток дней своих.

Лиза уткнулась лицом в колени. Тошнота вдруг подкатила к горлу.

– Что с вами? Вам плохо? – встревоженно спросил Вернер.

– Воды, конечно, наглоталась, мутит, – пробурчал фон Шубенбах. – Однако мы до сих пор так и не получили от нее вразумительного ответа, кто она и откуда. Вы будете отвечать, фрейлейн? Ваше молчание кажется мне подозрительным.

– Дайте ей прийти в себя, фон Шубенбах, – примирительно сказал Вернер. – Лучше полюбуйтесь вон на того аса. Какое мастерство, а? Давненько я не видел столь изощренных фигур высшего пилотажа!

– Странно, откуда в нашем гарнизоне вдруг взялась истребительная авиация? – задумчиво проговорил Шубенбах. – Или перебросили новые части? Но вы правы, искусство необыкновенное!

Лиза с усилием подняла голову и посмотрела в небо. Серенький самолетик крутился высоко-высоко, то уходя в пике, то вертясь в штопоре, то снова взмывая ввысь. А потом он резко начал снижаться, скользнул над рекой на бреющем полете, и Лиза увидела на его крыльях черные кресты свастики.

Она невольно вскрикнула, зажмурилась, снова уткнулась в колени. Страх ревел в небе, страх окружал со всех сторон. Снова! Неужели она испытает то же самое снова? Но здесь нет вагона, под который можно заползти, чтобы спастись от пуль, здесь нет добрых людей, которые потом приютят, помогут выжить... Здесь только враги! Зачем она согласилась? Зачем пошла сюда? Какая нелегкая выгнала ее из леса на погибель? Ведь она же прямо сейчас и умрет, и уже никто не сможет ее спасти!

А кругом никто, кроме нее, не боялся. Черным крестам махали, что-то весело кричали летчику, который оказался так низко, что его фигуру можно было разглядеть под плексигласовым колпаком. Лиза же ничего не могла поделать со своим паническим страхом: скорчилась

в комок, закрыла голову руками, словно через минуту должна была чиркнуть рядом по траве пулеметная очередь...

И вдруг оглушительно затрещало в небе, всплеснулась прошитая пулями волна, кто-то пронзительно закричал – и вот уже от испуганных, истерических воплей зазвенел воздух. Но пулеметный стрекот перекрывал их, рвал воздух, резал слух... Летчик в самолете расстреливал людей на берегу!

Лиза зажала уши ладонями, ощущая свою сторбленную, голую спину как обширную и очень удобную мишень. Вот сейчас в нее вопьется пуля... Мысли метались в голове бестолково, как мухи между оконными рамами: «Я так и знала! Я чувствовала! Но почему он стреляет в своих? У него же черные кресты на крыльях...»

– Проклятье! В небе русский! – раздался крик рядом с ней. – На нашем самолете русский пилот! Да не стойте, как дерево, фон Шубенбах, надо спасаться! А, черт, да его, кажется, подстрелили... Можете продержаться еще немного? Нужно добраться до берега! А вы чего расселись?

Кто-то с силой схватил Лизу под руку, вздернул на ноги.

– Вы не ранены? На том спасибо. Поддерживайте Шубенбаха с той стороны, ну, быстро! Вдвоем мы его вытащим на берег.

Вернер подтолкнул Лизу к блондину, который еле держался на ногах, зажимая простреленное плечо другой рукой. Кровь текла между пальцами, и Лиза пошатнулась, ощутив тошноту. Ей всегда было дурно от вида крови, поэтому и в медицинский в свое время сдавать не стала, пошла на мирный филфак...

– Только не вздумайте мне тут в обморок упасть! – рявкнул Вернер. – Подставьте ему плечо, ну, живо! Повели его к воде. Шевелите ногами, фрейлейн! Наше спасение на другом берегу, там хоть есть где укрыться, а тут, на островке, мы как на ладони, мы мишень! Пошли, ну!..

Лиза потащила Шубенбаха к берегу, успев порадоваться, что подставляет ему свое плечо не с той стороны, где была рана. Если бы на нее попала кровь фашиста, она умерла бы от отвращения, точно умерла бы!

Голова Шубенбаха безвольно моталась, он еле перебирал ногами, а когда оказался в воде, вообще безвольно повис на руках Лизы и Вернера.

«Да как же мы выплывем с ним?» – подумала она в ужасе. Вода поднималась все выше и выше, тащить раненого становилось все легче. И вдруг дно начало подниматься. Значит, здесь брод между островком и берегом, плыть не придется, слава те господи!

Вот они уже на мелководе, вот на траве. Кругом валяются окровавленные тела... О господи! Она увидела кинооператора – он уже больше ничего и никого не снимал, лежал с камерой – мертвый, убитый. Да разве он один?! Убитые мужчины – и женщины, женщины! Кто-то из солдат пытался стрелять по самолету из автоматов, но тот, ныряя к земле и взмывая ввысь, словно смеялся над обезумевшими людьми, снова и снова поливая их пулями.

– Вон туда, под деревья! – кричал Вернер, волоча Шубенбаха куда-то в сторону.

– Грузовик, грузовик... – прохрипел Шубенбах, поднимая голову, и Лиза поняла, что он хочет укрыться под защитой большого грузовика, стоящего на окраине пляжа. Видно было, что там нашли спасение множество людей. Они забились под широкий кузов и оказались надежно защищенными от пуль.

– В рошу! – настаивал Вернер, но Шубенбах навалился всем телом на Лизу, норовя повернуть к грузовику. И тут очередь прошла кабину, а через мгновение полыхнул бензобак. Грянул взрыв, но Лиза не могла понять, что звучало громче: его грохот или крики людей, разметанных взрывом в стороны. Ее отшвырнуло от Шубенбаха... Появилось ощущение, что она летит, летит, словно безвольный клочок бумаги, несомый ветром... Но как надвигаются деревья, вот сейчас ее размажет о ствол! Однако взрывная волна уже опустила, вернее, уронила

Лизу на землю. Она лежала вниз лицом, а где-то там, наверху, металась смерть с черными крестами на крыльях...

«Русский, пилот русский!» – кричал Вернер. Но Лиза не могла воспринимать летчика как своего. Да, он убивал фашистов, врагов, и, наверное, она должна была кричать от радости, но зрелище залитых кровью тел было слишком страшным, чтобы возможно было ощутить хоть проблеск мстительного торжества. К тому же слепая пуля в любое мгновение могла поразить ее, нужно было думать о спасении.

Лиза ринулась в рощу, но тотчас полетели с деревьев листья, сбитые пулями, и она упала на землю. Он что, ненормальный, тот летчик? Не соображает, что делает, когда стреляет по роще? Он же видел, что туда бежала женщина. Русская женщина!

А впрочем, ему все равно, кто она такая, дошло до нее. Раз рядом с фашистами, значит, тоже враг.

Лизе хотелось распластаться на земле, зарыться в нее. Но, во-первых, зарываться было нечем, а во-вторых, рассудила Лиза, лежа она гораздо уязвимей для пуль, чем стоя. Она ринулась к березе и прильнула к стволу, смутно надеясь, что пули каким-то чудесным образом минуют ее – ведь на белом, гладком стволе еще не было ни единой царапины.

Выстрелы отдалились, шум моторов стал чуть тише – самолет метнулся к дороге, расстреливал там кого-то еще, Лиза не видела, кого. Она озиралась, пытаясь понять, что делать теперь: искать ли другое укрытие или оставаться на месте, – как вдруг расслышала стон. Оглянулась – и увидела судорожно подергивающиеся босые ноги, торчащие из-под куста.

– Помогите... – донесся слабый голос.

Сколько боли в нем! Кажется, за всю свою двадцатилетнюю жизнь, в которой бывало, конечно, всякое, Лиза не слышала такого страдания в голосе человека. Она не могла оставаться на месте, просто не могла. И, по привычке пригибаясь, как будто самолет все еще реял над ней, побежала к кустам.

И зажмурилась, когда увидела то, что увидела...

Там лежала молодая женщина в одном белье, от которого остались только кровавые клочки. Стройное загорелое тело было все изорвано пулями. Но женщина – бледная, со светлыми, разметавшимися по траве волосами, с серыми, почти обесцвеченными болью глазами – была еще жива. Рядом валялся мокрый купальник, раскрытый саквояжик, из которого вывалились какие-то вещи, и Лиза поняла, что женщина пыталась переодеться, когда ее сразила пулеметная очередь.

Лиза тупо стояла и смотрела на ее окровавленное тело. Надо бы перевязать несчастную... Чем? Да хотя бы вещами, разбросанными на траве... Но даже на самый неопытный взгляд видно было, что сделать уже ничего нельзя – раны слишком страшны, женщина умирает, вот-вот умрет, и как облегчить ее последние минуты – неведомо.

Лиза зажмурилась от ужаса, с тоской понимая, что, если раненая попросит пить, она все-таки выйдет на берег, подставит себя под пули и попытается принести ей воды, хоть в горсти, хоть платок намочив... Какой платок? У нее же ничего, кроме купальника!

– Ты кто? Ты русская? – вдруг заговорила, вернее, выдохнула женщина.

Если на первый вопрос ответить было бы затруднительно (нет, ну в самом деле, как объяснить раненой, кто такая Лиза?!), то на второй ответ однозначный:

– Да.

Молодая женщина вновь с трудом разомкнула сухие губы:

– Сходи на Полевую, 42. В ломбард... Я им деньги должна. Возьми в саквояже квитанцию, отдашь им. Скажи, что меня убило. Вещи мои себе возьми... только отдай квитанцию... – Голос ее прервался, глаза закрылись.

Лиза невольно вскрикнула: умерла?! Но ресницы снова поднялись, и измученные глаза опять взглянули на нее:

– Как тебя зовут?

– Лиза. Елизавета Хов... – Она запнулась на фамилии.

Брови женщины дрогнули, в глазах что-то словно бы вспыхнуло – и в следующее мгновение они закатились, рот приоткрылся, струйка крови выползла на подбородок...

Незнакомка умерла.

Лиза несколько мгновений тупо смотрела на нее, затем упала ничком, сотрясаясь в страшном нервном ознобе, рядом с мертвой. Сколько времени прошло – минута, час? Она лежала и постепенно успокаивалась, только глаза жгло. Оказывается, из них текли слезы. А ведь Лиза думала, что все слезы выплакала еще тогда, осенью, при обстреле поезда... Ну, их за прошедшее время, подавленных, мучительных, тайных, скопилось в душе столько, что теперь можно рыдать без остановки несколько дней.

Можно. Но времени на это нет!

Лиза приподнялась и поглядела в сторону берега, видимого из-за кустов.

Обстрел прекратился, самолет улетел. Кругом валялись мертвые тела, живых не было видно: то ли убежали с берега, то ли просто не осталось никого живого.

– Боже мой... – пробормотала Лиза. – Боже ты мой!

Додумать она не успела. Послышался рокот мотора, и Лиза увидела, что на берегу появился грузовик. Из кузова прыгали солдаты и разбредались по берегу. Они собирали мертвые тела, искали живых и раненых. Постепенно из леска, из рощицы выбирались те, кому удалось спастись от страшного обстрела. Многие женщины не могли унять истерику, да и мужчины выглядели не лучше.

Среди полуодетых людей, бродивших по берегу, Лиза увидела молодого человека с растрепанными русыми волосами. На нем был только незастегнутый мундир и трусы – ни галифе, ни сапог своих он, очевидно, не нашел, да и, такое впечатление, был не слишком-то озабочен своим видом. Он пристально всматривался в лица всех женщин, как если бы кого-то искал среди них. Это был человек по фамилии Вернер, и Лиза вдруг поняла, что он ищет ее.

Вот уж с кем Лиза ни за что не хотела бы встретиться сейчас! Конечно, он явный ловелас, болтун и бабник, но прежде всего – солдат, фашист, и рано или поздно Вернер начнет задавать вопросы, на которые Лиза не сможет ответить. Все, что она так уверенно придумывала, пробираясь через лес к реке, все, что казалось таким убедительным, сейчас виделось надуманным, глупым и неправдоподобным даже ей самой, а Вернеру небось втроене подозрительным покажется. Еще отволочет в гестапо!

Надо где-то отсидеться, дожидаться, пока все уйдут с берега, – и тогда... А где отсидеться-то? Здесь, в роще, ее живенько отыщут. Не Вернер, так кто-то другой. И с таким же ворохом вопросов, на которые у нее просто нет ответов. Надо уходить отсюда. Куда? В город, куда еще... Она же хотела попасть туда.

«Матушка Пресвятая Богородица, ну почему ты не остановила меня, почему не отговорила от бредовой мысли пойти в город?! – воскликнула Лиза мысленно. – Почему мне не сиделось в той тишине, в том покое? Почему тишина и покой казались мне мертвящими?»

Все, хватит причитать. Ни Богородица, ни сам Господь, такое ощущение, не намерены вмешиваться в ее судьбу. Еще спасибо надо сказать, что спасли от пули. А рассчитывать надо только на себя. Не нами сказано, кстати: на Бога надейся, а сам не плошай. И первым делом следует переодеться.

Что несчастная женщина говорила про какие-то вещи? Ой, снова надевать на себя чужое... А что делать, если уже давно нет ничего своего? Ужасно – надевать на себя что-то, принадлежащее мертвой... А разве у Лизы есть выбор? Кстати, она ведь собиралась украсть вещи... теперь они сами свалились в руки.

Лиза с тоской покосилась на саквояж, лежащий в стороне, а потом решила подползти к нему на коленях. Оттуда торчало платье – обычное черное в белый горох, сатиновое и довольно

измятое. Да ладно, не до жиру, быть бы живу! Лиза прикинула – платье ей придется впору, его хозяйка была довольно высокой, как и сама Лиза, да и сложение примерно одинаковое. Под платьем оказались завернутые в бумагу – белую хрусткую чертежную кальку – белые туфли-лодочки на небольшом каблучке. Лиза вздохнула потрясенно: она так давно не носила туфель! Отвыкла, наверное. Ничего, как-нибудь привыкнет, главное, чтобы пришлись по ноге... Ну надо же! Повезло.

В саквояже лежала еще черная кофточка – простенькая, вязаная, шерстяная. Но самой поразительной находкой оказались два хрустящих целлофановых пакета. Ничего подобного Лиза не видела уже много лет, с тех пор как умерла мама. Мамины вещи Лиза распродала на толкучке – на что-то ведь надо было жить, она же не привыкла на жалкую зарплату. А потом, когда спохватилась, в доме почти ничего не осталось из прежней роскоши. Приходилось носить то же, что носят все, – покупать по талонам, стоять в очередях... И вот сейчас так и ударило воспоминанием о прежних временах, тех, когда мама могла достать все. Вернее, когда ей просто-напросто приносили то, что она хотела.

На одном из найденных пакетов была наклеена картинка: умопомрачительная блондинка в ярко-розовой комбинации, рядом надпись – «Le Flamant». Наверное, это название фирмы или модели, в переводе с французского – «Фламинго». Лиза вскрыла пакет и обнаружила лифчик и трусики, совершенно новые, шелковые, тоже розовые, но не яркие, а нежного оттенка, в хороших беленьких цветочках. Из пакета, скользнув по шелку, выпал бумажный квадратик. Она развернула и прочла: «Прелестной Лизочке – ее верный Эрих». Это было написано по-русски, но готическим шрифтом и явно не русской рукой.

Лиза в ужасе смотрела на собственное имя. Вот наденет вещи неведомой «прелестной Лизочки»... и примерит ее судьбу! Да ну, глупости. Просто совпадение. Мало ли Лизочек на свете... На самом-то деле их не столь уж и много, имя не самое распространенное, а все же... Нет-нет! Все только совпадение!

Голоса слышались все ближе и ближе. Лиза посмотрела сквозь ветви кустов и вновь разглядела Вернера. Надо поторапливаться и уходить отсюда. Добраться до города, исполнить поручение погибшей женщины (последняя воля умершего – закон!), а потом... потом попытаться сделать то, ради чего она рвалась в город.

Теперь ей будет легче. Теперь у нее хоть одежда есть. Какой ценой, правда... но ведь она не виновата в этом! Не виновата!

Лиза разорвала пакет, стащила с себя купальник и надела белье. Оно было мягкое-мягкое, ласковое такое, шелковой шелка! Во втором пакете обнаружились чулки с надписью «Bas de Fil de Perse». Ого, «верный Эрих» подарил своей «прелестной Лизочке» немецкое белье и французские фильдеперсовы чулки³.

Чулки Лиза не надела, хотя в саквояже нашлись две круглые резинки для их поддержки. Мыслимое ли дело – такую роскошь каждый день носить!

Она сунула тугие резинки и пакет с чулками в глубь саквояжа, туда же отправила свой влажный купальник – и наткнулась на расческу и странный конверт, сшитый из плотной суконной ткани. Там лежали какие-то бумаги, желтоватая книжечка, вроде бы удостоверение какое-то, школьная тетрадка в клеточку – и серая, невзрачная квитанция со штампом: «Ломбард и рост». Квитанция была заполнена чрезвычайно неразборчивым и корявым почерком, Лиза даже разбирать его не стала. Неграмотный писал, что ли? И что еще за рост? Ломбард – понятно, но рост... А, вспомнила: деньги в рост – так раньше, до революции, называли деньги в кредит, даваемые под проценты. То есть проценты растут, вот в чем штука. Где же она про

³ Fil de Perse – буквально «персидская нить». Так называлась особым образом обработанная шелковистая пряжа, из которой вязали женские чулки примерно во времена Второй мировой войны. Fil d'Ecosse – «шотландская нить», так называлась гладкая крученая хлопчатобумажная пряжа, имеющая вид шелковой. Фильдеперсовы чулки в просторечии назывались шелковыми.

подобное читала, у Достоевского, что ли?.. Кстати, и у Диккенса... Ну да, в их буржуазном мире это именно так и называется.

Лиза кое-как причесалась и бросила последний взгляд на мертвую женщину.

– Прощай, тезка! – пробормотала она и поспешно пошла, пригибаясь под низко свисавшими ветвями, прочь от реки, на небольшой холм, за которым вилась дорога, а впереди, примерно в километре, виднелись огороды и разбросанные там и сям совершенно деревенские дома. Несколько дальше рисовались городские кварталы. Значит, ей туда.

«Пистолет... Вот так номер! А ведь я о нем совершенно забыла», – подумала Алёна Дмитриева, когда рука ее, шарившая в ящике туалетного столика в поисках потерявшегося тюбика с кремом – интимным, веселящим, возбуждающим, «продлевающим ваше наслаждение»! – вдруг наткнулась на что-то металлическое, и пальцы, как принято писать в романах, крепко стиснули рубчатую рукоять. Уже сами эти слова – «рубчатая рукоятка» – были настолько романтическими и возбуждающими, что Алёна Дмитриева даже пискнула от восторга и растрогалась от давних воспоминаний.

Пистолет был старый – «беретта», купленная еще в 1990 году, когда в России торопливо, на скорую руку, небрежно, словно жилье для беженцев-переселенцев, начали строить капитализм. Тогда Алёна Дмитриева (в ту пору ее звали просто Елена Ярушкина), ее муж Михаил и их общий приятель Виктор Талызин вдруг возомнили себя перспективными и даже крутыми бизнесменами, открыли небольшую книготорговую фирму и, начитавшись желтой прессы, вообразили, что на них непременно станут наезжать рэкетеры. Тогда и решено было обзавестись огнестрельным оружием. Не то чтобы кто-то намеревался пускать его в ход... Хотя ежели для защиты собственной жизни, то почему бы нет?

Михаил, столичный житель, лишь на время наезжавший в Нижний к жене, которая в Москву никак не желала перебираться (бывают такие причудницы, вот представьте себе!), нашел каких-то нужных людей, и вскоре Алёна и ее супруг встретились на Арбате, среди лотков с матрешками, старыми орденами и прочей ерундой... с каким-то невероятно таинственным парнем в длинном плаще с отвисшими карманами. По первому взгляду было заметно, что у парня полное помрачение ума от собственной таинственности и крутизны. И тем не менее он вынул из тех самых карманов два пистолета – для Ярушкиных и для Виктора Талызина. А потом, покопавшись, извлек еще две коробочки с патрончиками. Создавалось впечатление, что в карманах парня таится целый арсенал – там и «беретты», и «макаровы», и «кольты», и даже, очень возможно, припрятан пулемет «максим» с запасными лентами. Не исключено, что сыскались бы даже газыри, набитые патронами, для винтовки образца тысяча восемьсот какого-нибудь года!

Ну да не суть важно. Куда важнее другое: при ближайшем рассмотрении «беретта» оказалась... газовой. Выяснилось это значительно позже – методом научного тыка, когда Виктор спустил курок, целясь в старательно нарисованную от руки мишень, и после громкого хлопка из ствола вырвалось облачко ядовитого газа. Еще хорошо, что дело происходило на природе и участники эксперимента стояли с подветренной стороны!

Общий хохот и подначки Михаила на тему того, что Витя испортил воздух, помогли пережить разочарование. Михаил и Елена сначала по очереди таскали «беретту» с собой (он в борсетке, она в сумочке), утешаясь мыслью о том, что, если они выпалят прямо в лицо потенциального рэкетера, тому «мало не покажется». Сие выражение тогда было очень модным, щеголять им считалось таким же признаком крутизны, как иметь огнестрельное оружие или держать пальцы веером. Кстати, Алёна честно попробовала изобразить упомянутую фигуру, но ничего не получилось – то ли пальцы ее не были к такому положению приспособлены, то ли чувство юмора помешало. Возможно, именно поэтому крутой бизнесменши из нее не получилось. Впрочем, как и из ее партнеров, и их книготорговая фирма очень скоро скончалась. «Беретту» за ненадобностью сунули в верхний ящик туалетного столика.

С Виктором Талызиным дружба как-то сама собой иссякла, Елена Ярушкина перевоплотилась в Алёну Дмитриеву и полностью отдалась тому, что раньше воспринимала как хобби: сочинению романов для издательства «Глобус». Михаил Ярушкин купил себе новый пистолет, пневматический «вальтер», и забрал его с собой, когда ушел от Алёны. А в верхнем ящике туа-

летнего столика все прибавлялось какого-то повседневного барахла – коробочки с французскими «затыкалочками» для ушей лежали здесь вперемишку с тюбиками «веселящих» кремов (наша героиня – любительница всяких экспериментов в сексе), пакетиками с презервативами (ими пренебрегали, если честно) и старыми, полными неистовой страсти письмами Михаила Ярушкина (последующие-то молодые любовники Алёны Дмитриевой писали ей эсэмэски или электронные «мыла»). И очень может быть, Алёна никогда не наткнулась бы на «беретту», если бы некто, закодированный в ее мобильнике под именем «Тр Александр», не прислал ей эсэмэску следующего содержания: «Как мы сегодня будем? ;-)»

«Тр» означало – трах, и с этого кода начинались в ее телефоне как минимум пять имен (Алёна Дмитриева была женщина пылкая и непостоянная в своих увлечениях). Впрочем, Александр Симагин по прозвищу Дракончег (лексика компьютерных форумов не могла не оказать некоторого влияния на лингвистические пристрастия нашей героини) пользовался ее особым расположением.

Ему до безумия нравились те веселые постельные игры, на выдумку которых была весьма горазда его изошренная подруга. Его-то собственная фантазия не шла дальше категоричных телефонных посланий: «Надень что-нибудь сексуальное!» Ну, Алёна и старалась, выуживая подходящие сочетания вещей из своего гардероба, который вообще-то назвать сексуальным было довольно сложно. Как правило, выручали аксессуары... Например, однажды она встретила любовника в прозрачных черных лосинах на голое тело, кружевном лифчике в тон и в красно-серебристых босоножках на двенадцатисантиметровом каблуке, в которых так бесподобно удобно танцевать аргентинское танго (наша героиня, следует заметить, была от него без ума). В дополнение к образу в руках Алёна держала... нет, не диск с песнями Гарделя, как следовало бы тангоманке, а литровую бутылку мартини бьянко, отхлебывая прямо из горлышка. Впечатление, произведенное на Дракончег, оказалось потрясающим, что он и доказал немедленно, прямо в прихожей, и доказывал в тот вечер еще не раз...

Ну так вот. Творческая мысль Алёны Дмитриевой работала непрерывно, в каком бы положении – вертикальном, горизонтальном или сидячем за компьютером – наша героиня ни находилась. Именно поэтому, стоило ей ощутить в ладони ту самую пресловутую «рубчатую рукоятку» и вспомнить про «беретту», как она подумала: «А почему бы мне не изнасиловать Дракончег? Не все ж ему брать на себя сию почетную обязанность!»

Немедленно сложился сценарий будущей любовной игры. Когда Дракончег позвонит в домофон, Алёна нажмет на кнопку, открыв подъезд, а также приотворит входную дверь своей квартиры. И выключит свет в прихожей. И встанет за дверью, так чтобы Дракончег, войдя, ее не заметил. Вдали, в комнате, свет будет, конечно, гореть. Дракончег пройдет вперед, уверенный, что она сейчас появится из комнаты, а Алёна как выскользнет из-за двери, как упрет пистолет ему в бок... И скажет: «Руки вверх, лицом к стене!» И сунет руку ему между ног, проверяя, не спрятано ли там боевое оружие (ну а как же, от мужчин всего можно ожидать!). Потом она, не отнимая пистолета от бока Дракончег, погонит (вот именно!) его в комнату, заставит раздеваться перед ней, лечь и... Ну и так далее. Разумеется, он не мешал ей делать это «и так далее» и прежде, но вот чтобы под прицелом... Должно получиться весьма интересно. Для Дракончег такое будет в новинку, понятное дело. Да и для самой Алёны тоже. Она даже засмеялась от удовольствия, представив картинку.

Конечно, пистолет не заряжен, коробка с патронами куда-то давно потерялась. Да и зачем ей патроны? Она ведь не собирается стрелять в Дракончег, Боже сохрани. Алёна не загнала в ствол вывалившуюся обойму, передвинула предохранитель на красную кнопку, чтобы ненароком не выстрелить (хоть обойма и пуста, а все же, бывает, и палка стреляет), и пошла одеваться. Нужно выглядеть соответственно образу нападающей – черный свитерок, черные джинсы. Хорошо бы еще маску – как ее, «чеченка», что ли? – на лицо надеть. Но «чеченки» нет. Или чулок натянуть? Нет, чулки у нее дорогие, жалко не по назначению использовать.

Ладно, обойдемся без маски, в прихожей ведь темно будет. А то, когда они окажутся на свету, зрелище черной физиономии подруги может вышибить возбуждение даже из самого пылкого любовника. В таком деле главное – не переборщить.

От Дракончега пришла эсэмэска: буду-де через пятнадцать минут. Однако приехал он раньше – Алёна только-только успела переодеться, когда затрезвонил домофон. Она открыла и, хихикая от волнения, встала за дверью. Ее слегка потряхивало. «Рука дрожит, прицел будет сбит!» – подумала она и снова хихикнула. И тут же проглотила смешок: дверь начала медленно приотворяться. Алёна затаила дыхание и вжалась в стену.

Он вошел очень осторожно – наверное, полная темнота насторожила. И замер. Алёна догадалась, что он сейчас заглянет за дверь: конечно, почувствовал, как что-то мешает ей открыться полностью. И решила опередить – выскочила из-за двери, уперла в бок пистолет:

– Лицом к стене!

Он отпрянул... и она тоже, потому что это был не Дракончег! Гораздо ниже ростом и шире в плечах, четверугольный какой-то, как выразилась бы Наташа Ростова... Свет из дальней комнаты на миг обрисовал резкий, чеканный, римский, можно сказать, профиль вошедшего. От неожиданности пистолет дернулся в руке Алёны, а может, дернулась сама рука, сжимавшая ту самую, черт ее дери, рубчатую рукоятку... Пальцы невольно нажали на спуск – и раздался довольно громкий звук, подозрительно напоминающий «взрыв» хлопушки или тот звук, что получается, когда из шампанской бутылки вылетает пробка, но более всего – приглушенный выстрел.

С чего, ради всего святого, взяла Алёна, что в обойме не осталось патрона?! В обойме-то, очень может быть, и не осталось, но он был в стволе! И кто, во имя неба, надоумил ее, что передвинуть предохранитель к красной кнопке – это значит выключить его? Наоборот, красное – значит огонь! Она сняла пистолет с предохранителя, вот что она сделала! Ну, и теперь выпалила газом прямо в лицо незнакомца.

Наверное, от потрясения у Алёны перехватило дыхание, что ее и спасло. Человек взвыл, задыхаясь и кашляя, отпрянул, вывалился за дверь, загромыхал по ступенькам... Алёна не думала о нем – не до того было. Кинулась в спальню, распахнула балкон. Потом бросилась на кухню – окно настежь! Закрыла дверь в дальнюю комнату. В ее квартире привольно чувствуют себя сквозняки, газ вынесет отсюда мигом. Грудь нашей героини сдавило, из глаз потекли слезы. Ну еще бы они не слезились! Алёна вновь помчалась на кухню, высунулась в окно и только теперь позволила себе вздохнуть. Хм, кто-то из соседей недавно жаловался на то, что воздух на перекрестке улиц Ижорской и Генкиной, где стоит Алёнин дом, сделался тяжелый. Ничего себе! Да он просто нектар, а не воздух по сравнению с газовой камерой, которую она одновременно устроила в своей квартире!

– Алёна! – раздался вдруг испуганный возглас, и в дверях кухни появилась высокая фигура.

– О господи, Дракончег!

Она кинулась к нему, прижалась... Ну да, иногда даже эта фуриозная эмансипатка (честное слово, Владимир Розанов словно бы про нее так сказал, а не про Аполлинарию Суслову!) чувствовала, что мужчины годны не только на то, чтобы напропалую использовать их в горизонтальном фитнесе или оттачивать о некоторых из них ядовитое жало своего уязвленного самолюбия, но и на то, чтобы находить у них утешение... Просто прижиматься к ним и ничего, ничего не говорить...

Однако Дракончег молчать не собирался. Он именно хотел говорить!

– Что тут произошло? Газом, что ли, воняет? Кто-то здесь стрелял из газовика?

Алёна осторожно потянула носом. Газом еще пахло, конечно, и глаза пощипывало, но все же именно пощипывало, а не жгло.

– Ой, слушай, зря я дверь оставила открытой! – спохватилась она. – Как бы соседи не учуяли!

На самом деле она напрасно беспокоилась. Учитывая, что уже за полночь, можно было не дергаться. Соседи, люди, встающие рано, уже давно и крепко спали, и разбудить их мог бы только взрыв бытового газа – Господи, спаси и сохрани! – а не такая чепуха, как вонючка-пукалка «беретта».

Алёна торопливо закрыла дверь.

– Извини, так глупо получилось...

С пятого на десятое, путаясь в словах, она обрисовала происшедшее, то смущенно лоя взгляд Дракончег, словно испрашивая прощения, то начиная хохотать. Чувство юмора у нее было. Очень может быть, извращенное, но оно было, факт, и порой поиздеваться над собой доставляло нашей героине немалое удовольствие.

– Слушай, а ведь я его видел! – воскликнул Дракончег. – Честное слово! Когда я уже собрался позвонить снизу, дверь вдруг открылась, и прямо на меня вывалился какой-то мужик, чихая и кашляя, как припадочный. Я поэтому и вошел без звонка. Он скатился по ступенькам и, шатаясь, потащился к машине. Я, еще когда парковался, увидел, что на моем обычном месте какой-то «Ниссан» стоит.

– Загадочно, – повела бровью Алёна. – Он что, нарочно ко мне в гости приезжал? В домофоне-то номер именно моей квартиры набрал... Вот, наверное, удивился, что я открыла, ничего не спросив, а потом еще и дверь оказалась отворенной. Приятный сюрприз для вора!

– Зато потом его ожидал не очень приятный сюрприз, что тоже факт, – покачал головой Дракончег. – Но вообще-то патроны у тебя какие-то контрафактные были, потому что нормальный газ не мог так быстро выветриться.

– Не пойму, – думала о другом Алёна, – зачем он приходил? Кто он такой? Почему звонил именно в мою квартиру? Почему вперся, как к себе домой?

– А может, это какой-нибудь из твоих бывших? – ревниво спросил Дракончег.

Наивный мальчик. В смысле, малчег... Он ревновал к прошлому своей подруги! Ревновал бы лучше к настоящему, потому что у Алёны, как у опытного шулера, всегда была в рукаве какая-нибудь запасная карта. Не факт, что козырная, но факт, что была.

– Никаких бывших у меня нет, – сухо произнесла Алёна вслух. – В том смысле, что я не хожу по старым адресам. И совершенно не понимаю, что произошло. Может быть, он шел в другую квартиру, а нажал нечаянно мою кнопку на домофоне, потом вдруг видит – дверь открыта, подумал, дай загляну, и... – Алена на секунду запнулась и закончила: – И получил заряд газа в физиономию. Поистине, шел в комнату – попал в другую! Жалко только, что он испортил весь эффект моей интермедии.

– Интермедии? – переспросил Дракончег. – А, понимаю... Слушай, а почему ты в таком виде? Где сексуальные трусики-чулочки и все такое?

– Да все на своих, природой предназначенных местах, – заверила Алёна. – А интермедия заключалась в том, что я, видишь ли, намеревалась заставить тебя исполнять мои самые извращенные желания под дулом пистолета. Но изнасилование не удалось.

– Кто тебе сказал? – хмыкнул Дракончег. – Не удалось изнасиловать меня, но теперь моя очередь попробовать себя в том же жанре...

И он попробовал. Причем гораздо более успешно, чем Алёна!

Лиза шла по обочине, воровато озираясь. Она понимала, что выглядит подозрительно, но ничего не могла с собой поделать. А впрочем, никто не обращал на нее внимания. Мимо проносились легковые автомобили и грузовики, и Лиза сначала дико вздрагивала, потом привыкла. Похоже, молодая женщина с саквояжем в руках никого особо не интересовала. Вот и замечательно!

Идти по обочине, отсыпанной щебенкой, было легко. Вообще дорога оказалась удивительно хорошая, Лиза только диву давалась. Даже в Подмоскovie она не помнила ничего подобного, а уж в родном городе Горьком... Не асфальт, не булыжник, а толстенные плиты, вроде бы бетонные. По такой дороге только на танках мчаться – аж до самой Москвы...

И *они* ведь домчались! Боже, спаси Россию!

Вдруг очередной автомобиль, обогнавший ее, не просто посигналил, но и притормозил у обочины. Задняя дверца распахнулась. Ах ты черт, сглазила ведь!

Лиза замерла. Чего от нее захотят? Спросить дорогу? Куда? А не все ли равно куда, если она ее и сама не знает! И что же она будет отвечать, если ее спросят?

– Неужели это вы?

Из автомобиля выскочил высокий офицер в сером армейском мундире и с видом искреннего восторга уставился на Лизу:

– Фрейлейн! Неужели правда вы?

Вернер! Черт его принес! Ну откуда он только взялся? Вот же привязался... Просто спасенья от него нет.

– А я вас искал на берегу. Там кошмар... – Его оживленное лицо на миг помрачнело. – Фон Шубенбах лишился сознания, когда увидел двух растерзанных пулями женщин. Его собственная рана оказалась не опасной, но его отправили в госпиталь. Он просил передать вам свою искреннюю благодарность за спасение его жизни.

– Да? – пробормотала Лиза, не зная, что говорить, что делать, а главное, как избавиться от докучливого фашиста.

– Что, не верите? – вскинул брови Вернер. – И правильно делаете. Шубенбах ничего не просил вам передать, но не потому, что он такое бревно, а потому, что был без сознания от потери крови и от потрясения. А ведь он фронтовик! Все-таки наблюдать гибель солдат – одно, а такое...

Он сокрушенно покачал головой, но тут же радостно улыбнулся:

– Не представляете, как я счастлив видеть вас живой, нераненой! Правда, ваш купальный костюм шел вам куда больше, чем это мрачное платье. – Он довольно бесцеремонно с ног до головы окинул Лизу взглядом. – Извините, я иногда бываю бестактен. Хотите знать почему? Впрочем, я расскажу вам потом, по пути в город. Вы позволите вас подвезти?

«А не провалиться ли тебе туда, откуда ты взялся?» – мрачно подумала Лиза. Интересно, что будет, если она откажется прокатиться с обер-лейтенантом в его сером автомобиле? Кажется, это «Опель». До войны несколько таких авто разъезжали по Горькому, затмевая даже «эмки», которые считались самыми лучшими, только для начальства... Довольно роскошная машина для обыкновенного обер-лейтенанта. Вроде бы именно так – обер-лейтенантом – называл Вернера фон Шубенбах. Ага, значит, такое расположение на погонах позолоченных пуговиц с выдавленными на них римскими и арабскими цифрами означает, что человек находится в чине обер-лейтенанта. Но Лизе этого вовек не запомнить, не стоит и пытаться. Она и советских-то воинских званий отродясь не различала, вот еще голову фашистскими забивать не хватало! Кстати, а почему просветы на вернеровских погонах и в петлицах светло-красные?

Лиза раньше думала, что у всех фашистов знаки отличия черные. Что означает светло-красный цвет?

Ой, о чем она только думает? Да вовек бы ей не знать фашистских различий!

– Ну так что, фрейлейн, позвольте мне вас подвезти?

Голос Вернера вырвал Лизу из совершенно неуместной задумчивости. Она неуверенно улыбнулась. Вот ведь пристал, а?

– Садитесь, садитесь! – настаивал Вернер. – Мы в два счета будем в городе. Кроме того, у нас, как всегда... не помню точно, как говорят русские, – начинают махать руками после того, как бой окончен? Ну, какая есть на эту тему русская пословица? Напомните, пожалуйста!

– После драки кулаками не машут, – сказала Лиза.

– Совершенно верно, – обрадовался Вернер и повторил по-русски, причем вполне чисто: – После драки кулаками не машут! А у нас только так и делают. И сейчас, можете не сомневаться, в городе происходит именно подобное. Удвоенны и даже утроены патрули на улицах, идет усиленная проверка документов. На каждом углу стоят местные полицейские, или, как их тут называют, полицаи. – Последнее слово он тоже произнес как бы по-русски. – Хватают для тотальной проверки всех подряд, и прежде всего пешеходов. Полная чушь: ведь тот мерзавец, который расстреливал нас с самолета, отнюдь не пешком ходил. И вообще, он уже давно улетел, мы все – жертвы его нападения, и военные, и гражданская публика. Однако разум частенько отказывает в таких ситуациях, и страдают в первую очередь те, у кого не в порядке документы...

Лиза, доселе слушавшая его вполуха, растерянно хлопнула глазами. Вернер говорил с каким-то намеком. Документы? А у нее есть документы? В смысле, были ли они у погибшей женщины? У самой-то Лизы давным-давно не имелось никаких документов. Она даже и забыла, что Баскаков рассказывал: в городе фашисты их чуть ли не на каждом шагу проверяют. Может быть, та желтоватая книжечка, которая лежит в суконном конверте, и есть документ? Ужасно захотелось на нее посмотреть. Вроде бы новые паспорта называются аусвайсы... А вдруг та книжечка – не аусвайс? И там фотография есть или нет? Если да, то ведь, конечно, вовсе не ее, не Лизина фотография. Значит, доставать аусвайс нельзя. Вернер непременно это заметит. Черт, какая она дура! Почему не заглянула в сумку на берегу? Страх, паника, все, конечно, понятно, но теперь оплошность может обернуться гибелью. А если Вернер спросит ее фамилию?! Имя-то она знает благодаря записке Эриха Краузе, но как фамилия той Лизочки? Что же делать?

Остается только опередить Вернера. Наступление – лучший способ обороны. Кто это сказал? Кто-то из военных. Вроде бы Лиза где-то читала, что авторство приписывается не то нашему генералу Брусилову, не то английскому маршалу Фошу. Наверное, подобная мысль рождалась у каждого, кто попадал в безвыходное положение. И если бы даже фраза не была произнесена раньше, Лиза непременно высказала бы ее сейчас. То есть не вслух, понятное дело, а осуществила бы, так сказать, действием.

– Мне что, аусвайс вам предъявить, что ли? – сказала она с обиженным видом и положила руку на замочек саквояжа.

– А зачем? – усмехнулся Вернер. – Я и так знаю...

Он подтолкнул ее к автомобилю, и Лиза пошла, как во сне, не чувствуя ног (расхожее выражение вдруг прочувствовалось ею как нельзя лучше). Села, вернее, плюхнулась на неудобное кожаное сиденье.

– Я и так знаю, что ваши документы окажутся в полном порядке, – закончил предположение Вернер, захлопнул дверцу, обошел автомобиль и сел за руль. «Опель» тронулся.

– Это почему же? – спросила Лиза и откашлялась: голос звучал так хрипло, будто кто-то невидимый давил ей на горло.

– О господи... Ну так ведь кто попало с какими попало документами просто не оказался бы на берегу в компании германских офицеров, я прекрасно понимаю, – усмехнулся он. – К

тому же вы о своих бумагах совершенно не беспокоитесь. Они же у вас в саквояже лежат, не правда ли? Вернее, валяются. Именно так заведено у хорошеньких беспечных девушек, которые уверены, что даже во время войны с ними ничего плохого не случится! Я как-то раз случайно стал свидетелем одной серьезной проверки документов. Остановили двух селянок, которые привезли продукты на базар. У каждой девушки под кофточками были нарочно пришитые кармашки для аусвайса и мельдкарты. Документы у них были обернуты в бумажку, завязаны в чистые тряпочки и спрятаны так, что даже при самом смелом обыске не отыщешь!

Вернер хохотнул, оглянулся на Лизу, и та поняла, что надо если не поддержать веселье, то хотя бы изобразить, что поддерживаешь. Она представила, что к уголкам губ пришиты две такие специальные веревочки, и потянула за них. Губы раздвинулись в улыбке.

«Мельдкарта, мельдкарта... Что еще за чертовщина? – всполошенно подумала между тем Лиза. – Она у меня есть, интересно знать? Наверняка есть, должна быть. В смысле, не у меня, а у Лизочки должна была быть!»

– Правда, история в конце концов кончилась не слишком весело, – со вздохом продолжил Вернер. – Документы у девушек оказались фальшивые, к тому же сработанные весьма топорно. Фотографии явно переклеены с других документов, причем выглядели куда старше, чем аусвайс. Да и печати были нарисованы очень убого, поддельные буквы на снимках отличались от действительных на странице аусвайса и выглядели кривыми, словно от влаги расплзлись. Ну, конечно, девушки оказались русскими партизанками, которые пробирались в город. Удивляюсь я, право, русским: сами же навлекают на своих людей опасность провала. Ну разве можно так безответственно подходить к столь тонкому, деликатному делу, можно сказать, искусству, как l'espionnage!

Лиза слушала его, стиснув ручку саквояжа. Ее так и трясло. Девчонки... бедные девчонки! Что же с ними теперь? Убили, конечно. Ужас какой!

И ее наверняка ждал бы такой же ужас, если бы она поддалась на уговоры тех людей, которые приходили сначала просить, потом требовать, потом угрожать... тех людей, от которых она бежала.

– Честно говоря, – задумчиво протянул обер-лейтенант, – я поторопился отказаться взглянуть на ваши документы.

У Лизы перехватило дыхание.

– Мне ужасно хочется посмотреть на них – просто для того, чтобы узнать, как вас зовут! – смущенно усмехнулся Вернер.

«Да чтоб ты... чтоб ты пропал, фашист проклятый! Чтоб ты провалился со своими кретинскими шуточками!»

– Для этого не обязательно смотреть мой аусвайс, я и так могу вам сказать, что меня зовут Лиза, – снова потянула она за веревочки, пришитые к уголкам губ, лишь бы не продолжать разговор о своей новой неведомой фамилии. Вдруг повезет, и спутник не станет ею интересоваться.

– А меня – Александер, можно просто – Алекс! – оторвавшись от руля, обер-лейтенант протянул ей руку. – Обер-лейтенант Алекс Вернер. Очень рад знакомству, прекрасная дама!

Пришлось поручкаться с ним. А что делать?!

Алекс Вернер на миг задержал пальцы Лизы в ладони и с явным сожалением повернулся к рулю.

– У вас очень красивые руки, – сказал он с восхищением. – Я равнодушен к таким пальцам, как ваши: длинным, музыкальным, суживающимся к концам. Ах, как вашим чудесным ногтям нужен роскошный маникюр! Понимаю, в России это сейчас непросто. Вообще в наше время немногие женщины по-настоящему тщательно следят за собой! Вы знаете, в парижанках меня поразила вовсе не их красота – они на самом деле не столь уж и красивы, русские женщины гораздо лучше, на мой взгляд, – но их ухоженность. Парижанки – совершенно осо-

бенные женщины. Не секрет, что сейчас выпускается очень мало чулок, ведь шелк, шерсть, хлопок – стратегические материалы. Здесь женщины непременно носят чулки, точнее, прячут свои ноги в кошмарные хлопчатобумажные мешки, которые у вас называются чулками. Хорошо, что вы не следуете их жуткому примеру. В Европе чулки теперь не носят от холодов до холодов. Иногда их имитируют на коже с помощью специальной краски для ног и карандаша для бровей, которым рисуют сзади «шов». Вообще очень распространена манера носить летнюю обувь на босу ногу, без чулок и носков. Так вот – парижанки умудрились недостаток сделать достоинством! В Париже теперь в большой моде педикюр, причем ногти покрывают очень ярким лаком. Лак можно купить в любой аптеке. Эта мода действует на мужчин просто сногшибательно! Кстати, должен сказать, ваш купальный костюм тоже произвел на меня впечатление. Он ведь отнюдь не русского производства, верно? То так называемое белье, которое я наблюдал здесь на женщинах... Liber Gott! Мой старинный приятель Эрих Краузе завел себе тут подругу – из русских, сами понимаете, – и я по его просьбе привозил ей презент из Парижа. Отличное шелковое трикотажное белье фирмы «Le Flamant», которое так и обливает тело, и чулки из настоящего *fil de Perse*. Надеюсь, девушка была счастлива. Как вы думаете, Лиза?

И она, в изумлении слушавшая пространные речи спутника, тупо кивнула. Ей вдруг почудилось, что отличное шелковое трикотажное белье фирмы «Le Flamant» обливает ее тело, словно раскаленный металл. Да, наверное, девушка была счастлива... Знал Алекс Вернер подругу Эриха Краузе в лицо? Видел ее когда-нибудь? Не потому ли он обратил внимание на платье Лизы, что уже видел другую девушку, другую Лизу, одетую в то же самое платье? Тогда получается, что он играет с ней, как кошка с мышкой. И еще разговоры о фальшивых документах... Не намекал ли Вернер на то, что отлично знает: аусвайс и эта, как ее, мельдкарта в саквояже принадлежат не Лизе? То есть Лизе, конечно, но другой! А что значат его кошмарные намеки на ее купальник? О господи... Вот ситуация, ужас! Хоть топись!

Никогда и ничего в жизни не хотела Лиза так, как сейчас хотела элементарно утопиться. Как ей себя вести? Изображать неведение, непонимание, наивность? Или попытаться что-то объяснить? Да черта с два объяснишь! Что за игру ведет фашист? Совершенно непонятно!

– Вы, наверное, не можете понять, о чем я? – донесся до нее голос того самого фашиста. – Вероятно, мой интерес к тряпкам кажется вам диким? Объяснение ему, естественно, имеется, но это долгий разговор, сейчас заводить его не время – мы в городе, меня ждут дела, да и вы спешите, кажется. Куда вас отвезти? Скажите адрес.

Лиза невидяще посмотрела по сторонам и не сразу осознала, что придорожный ландшафт как-то незаметно сменился на городской, они проезжали по улицам, довольно, впрочем, убогим, с деревенскими какими-то домами, стоявшими или в глубине садов, или за маленькими палисадниками. Проезжая часть заасфальтирована, кое-где замощена, однако вместо тротуаров лежали деревянные мостки или просто была плотно утрамбована земля. Так вот он какой, Мезенск...

Вернер спрашивает, куда ее отвезти. Но Лиза представления не имеет, где живет, то есть жила та девушка, чьи документы лежали в саквояже. В любом случае странному обер-лейтенанту не следует этого знать. Как бы от него отделаться? Ага, вспомнила...

– Мне нужно на Полевую, 42.

– Вы там живете?

– Нет. Там находится ломбард, и я должна...

– Ломбард? – изумленно повторил Вернер. – Неужели ваша жизнь так нелегка, что вы закладываете вещи в ломбарде? Кстати, где вы работаете? Могу я взглянуть на вашу мельдкарту?

Лиза стиснула зубы. Опять началось! Черт его подери!

Она щелкнула замочками саквояжа, сунула руку внутрь и, расстегнув на ощупь сумочную сумочку, покопалась в ней. Так... шершавый листок – явно квитанция из ломбарда, затем

тетрадка, рядом сложенный вдвое листок из более плотной бумаги и еще что-то вроде тонкой картонки. Делать нечего, придется рискнуть.

Лиза вытащила картонку.

Вернер покосился на нее, не выпуская руля:

– Елизавета Пет-ро-пав-лов-ска-йа... Liber Gott, русские фамилии созданы на погибель цивилизованному миру! Петропав... нет, я не смогу повторить ни за что и никогда! – Он захохотал, а Лиза вздохнула чуточку свободнее. – Кажется, Вернер не знал фамилии той, другой Лизы, приятельницы Эриха Краузе. Иначе немедленно бы прицепился. А он просто хохочет. Слава богу, хоть в чем-то повезло.

Впрочем, Вернер тотчас оборвал смех:

– Где, где вы работаете? В ресторане «Rosige rose»?

Интересно, чему он так удивился? «Rosige rose» в переводе с немецкого – «Розовая роза». Вполне подходящее название для ресторана.

– Неплохое местечко, – задумчиво произнес Алекс Вернер. – Прекрасная кухня, отличное обслуживание. Особенно обслуживание... Я там бывал несколько раз, но ни разу вас не видел среди официанток.

– Я... только недавно туда устроилась, – пробормотала Лиза. – Поэтому вы меня и не видели.

– Понятно, – кивнул Вернер. – Если точнее, вы там будете работать с завтрашнего дня, судя по документам. То есть с завтрашнего вечера, ведь днем ресторан закрыт. Ну что ж, теперь у меня появился повод захаживать туда гораздо чаще, благо в том заведении самая приятная атмосфера. Кстати, говорят, ваша начальница, фрау Эмма, – наполовину русская, из какой-то весьма значительной семьи. То есть семья до революции была значительной, а после подверглась репрессиям. Фрау Эмма невероятно благодарна оккупационным войскам, встречала их хлебом-солью, а теперь вот взялась за такое трудное дело, как устроить приятный досуг господам офицерам. – В голосе молодого немца послышались странные интонации. – Но после того, как вы станете работать у фрау Эммы, вам вряд ли придется прибегать к услугам ломбарда. Я слышал, что любая девушка из «Rosige rose» может очень недурно заработать, если, конечно, умно себя ведет. Вы как относитесь... к умному поведению?

Вернер покосился на Лизу с прежним насмешливым выражением.

– А что по-вашему – вести себя умно? – спросила она настороженно.

– А вы не знаете? Ну, значит, девушка заводит себе покровителя, который заботится о ней. Женщины вообще нуждаются в защите, а во время войны – гораздо больше, чем в мирное время.

Лиза вспомнила свою былую жизнь. Ее никто не защищал, кроме мамы, а после ее смерти количество защитников свелось до нуля. А когда началась война... защитницей хотели сделать ее! Защитницей Родины. Слабую женщину – защитницей огромной страны! Как будто мужчин мало...

Разумеется, ничего этого Алексу Вернеру говорить не стоило. Впрочем, Вернер и не ожидал услышать мнение Лизы, а продолжал говорить:

– А у вас уже есть постоянный друг или вы надеетесь найти его в «Rosige rose»? Я слышал, там порядки хоть и строгие, но не драконовские, даже человеческие. Фрау Эмма поощряет прочные связи своих... кхм... с позволения сказать, официанток с германскими офицерами, и если в зале появляется постоянный друг девушки, она может провести с ним весь вечер, даже если уже приняла заказ от другого посетителя. А тому будет предложено сделать другой выбор или прийти в иное время, когда девушка освободится.

Лиза сидела окаменев, неподвижно глядя перед собой. Под ветровым стеклом лежали тонкие кожаные мужские перчатки. Наверное, они принадлежали Вернеру. Ничего себе! Боже ты мой, чем дальше в лес, тем больше дров...

– Вы молчите? – слышался надоевший голос Вернера. – Молчание у русских – знак согласия. У вас нет приятеля?

Лиза с мученическим выражением посмотрела в окно – и вдруг увидела, что они спокойно проезжают мимо дома, на котором висит табличка: «Полевая ул., 42», а рядом вывеска на двух языках: «Pfandleihhaus. Ломбард».

Именно так: первым шло слово по-немецки, а надпись по-русски была с ером, с твердым знаком на конце, при виде которого Лизе почему-то стало тошно. А ведь раньше, когда ей приходилось читать книги в старой орфографии, всякие там яти, еры, ижицы и фиты ее скорее умиляли, чем раздражали. Но это в книгах. А на самом деле... Твердый знак на вывеске значил неизмеримо больше – хозяин ломбарда явно был из тех, кто старой орфографией приветствовал пресловутый новый порядок, *neue ordnung*!

Ладно, черт с ним, с хозяином, Лизе нет до него никакого дела, главное, что они наконец-то добрались до ломбарда и можно избавиться от Вернера. Надо надеяться, он не потащится за ней в унылое заведение.

– Мы приехали, господин обер-лейтенант! – радостно воскликнула она и схватилась за ручку дверцы, хотя автомобиль еще не остановился. – То есть мы даже проехали!

Вернер с явной неохотой затормозил и сдал назад.

– Спасибо, герр обер-лейтенант, – отчеканила Лиза так лихо, как будто всю жизнь только и делала, что обращалась к германскому офицерскому составу. – Я вам очень, очень признательна! А теперь до свидания, мне так неловко, что я вас задержала... Огромное, ну вот очень большое спасибо!

И она выскочила из автомобиля с невероятным проворством. Однако, обежав «Опель», снова наткнулась на Вернера, который оказался еще проворней, – молодой немец успел не только выбраться из автомобиля, но даже стоял на ступеньках ломбарда.

– Момент! – воскликнул он. – Один момент, фрейлейн Лиза! Я, конечно, спешу, но не настолько, чтобы бросить в трудной ситуации красивую женщину. Я слышал, что каждый Wucherer, ростовщик, непременно *rauber* – грабитель. Поэтому позвольте, я возьму на себя переговоры с этим чудовищем. Прошу вашу квитанцию...

У Лизы пересохло в горле. Честное слово, ей мало кого приходилось в жизни так ненавидеть, как этого прилипчивого типа. Да ведь он издевается над ней каждым своим словом, каждым взглядом насмешливых серых глаз, определенно издевается! И не поспоришь с ним, придется отдать ему квитанцию. Но как же исполнить просьбу погибшей женщины? Удастся ли улучшить минутку и сообщить о ее смерти? Ладно, сориентируемся на месте...

Запустив руку в саквояж, Лиза вновь нащарила суконный конверт и выудила оттуда шершавый листок. «Еще бы знать, что я в заклад сдавала... – подумала она мрачно. – В смысле не я, а Лизочка. Вот сейчас фашист спросит, и я что отвечу?!»

Вернер с изумлением разглядывал квитанцию.

– Ну и почерк, *mein Liber Gott*! – проворчал он. – Истинное несчастье, а не почерк. Да еще и по-русски! Неужели вы тут что-то понимаете?

Ой, как раз сейчас он и спросит, что было заложено в ломбард...

– Главное, чтобы свой почерк понимала приемщица ломбарда, – довольно нахально ответила Лиза и толкнула дверь, не дожидаясь, пока это сделает Вернер.

Тому ничего не оставалось, как оставить расспросы и пойти за ней.

Алёна потянула на себя дверь и озадачилась – та не открывалась. Она пригляделась – не поставили ли какой-то новый особый замок? Но нет, общая дверь как была раньше без ничего, такой и осталась. Замок с радиотелефоном имелся на двери, которая вела, собственно, в редакцию газеты «Карьерист». Но до нее еще предстояло дойти.

– Да что ж такое? – удивилась Алёна, посильнее дергая дверь.

И вдруг створка резко ушла в противоположном направлении, словно кто-то потянул ее на себя. Алёну буквально втащило в коридор вслед за дверью, которую и впрямь сильно дернул на себя крепкий седой человек среднего роста с загорелым лицом. И этот загар почему-то невольно наводил на мысль об Альпах, горных лыжах, дорогих отелях, кругленьком счете в банке и разной прочей иностранщине. Вот именно – во всем облике мужчины было что-то безумно иностранное. Впрочем, не что-то, а все, начиная от твидового пиджака и заканчивая голливудской, совершенно искусственной, но все же ослепительной улыбкой. Буржуй, короче, типичный! Однако прежде всего Алёну поразила сила, с которой тот распахнул дверь. Барышня она была, мягко говоря, не хрупкая (рост сто семьдесят два сантиметра, вес шестьдесят пять килограммов), однако мужчина вот так запросто втянул ее вместе с дверью... А ведь господин буржуй, несмотря на внешний глянец, весьма преклонных лет – возраст выдавали выцветшие-серые глаза. В них не отражалась улыбка, в которой он весьма охотно сушил свои замечательные зубы, в глазах вообще сквозило полнейшее равнодушие к жизни, которую он наблюдал слишком, слишком долго... Лет так восемьдесят пять самое малое!

– Ой, батюшки! – воскликнула Алёна, несколько растерявшись. – Извините. Я забыла, что дверь открывается внутрь, и почему-то пыталась открыть ее наружу.

– Извините и вы меня, что я не позволил ей выполнить ваше пожелание, – до невероятности галантно откликнулся буржуй по-русски, но совсем не русским голосом. – Непростительная оплошность с моей стороны!

– Как здорово вы говорите по-русски! – восхитилась Алёна.

Вроде бы буржуй должен был обрадоваться искреннему комплименту, но он почему-то огорчился:

– А что, мое иностранное происхождение заметно?

– Честно говоря, так и бьет по глазам! – засмеялась Алёна. – А почему это вас огорчает? Вы, может быть, шпион, который решил слиться с массой русского народа и устроить тут какую-нибудь идеологическую диверсию?

Черт знает что она порола! Черт знает что было в старике, от чего она чувствовала себя совершенно свободно, раскованно и даже, так сказать, шаловливо. Может быть, вся штука заключалась в том, что единственным чувством, которое все же отражалось в его глазах, было искреннее восхищение персоной нашей героини?

– Нет, я не шпион, – усмехнулся буржуй. – Честное слово! Я прибыл в ваш город из Дрездена по частному делу, которое меня очень интересует. А говорю я по-русски так хорошо, потому что некогда учил русский. Конечно, давно, однако в моей жизни случились некоторые обстоятельства... была одна женщина, в память о которой я не позволял себе забыть ваш язык.

– Вы были в нее влюблены? – спросила Алёна и тут же устыдилась собственной наглости.

– Я до сих пор в нее влюблен, хотя ее вот уже шестьдесят шесть лет как нет на свете, – последовал поистине ошеломляющий ответ.

– Господи Иисусе! – воскликнула Алёна. – Простите, но вам...

Да, ей удалось вовремя остановиться, не ляпнуть вопиющую бестактность. Наверное, не только у женщин не стоит спрашивать о возрасте, но и у таких глубоких, глубочайших, стари-

ков тоже, у таких замшелых, можно сказать, мафусаилов. Ему ж наверняка за девяносто, просто он выглядит моложе! Хотя она не права, этого мужчину никак нельзя назвать замшелым.

– Сказать, что я очень стар, – значит ничего не сказать, – усмехнулся удивительный буржуй. – В июне сорок второго года, когда я познакомился с той девушкой, мне было двадцать семь, стало быть, сейчас... Вот именно! – кивнул он, поняв по священному ужасу в Алёниных глазах, что она уже произвела в уме нехитрое арифметическое действие. – А между тем я еще не впал в маразм, люблю путешествия и равнодушен к женской красоте. И хочу сказать, что вы чем-то напомнили мне ту женщину. Хотя она была несколько младше, чем вы, когда погибла... ей было двадцать пять или двадцать шесть лет. А вам ведь, прошу меня извинить, несколько за тридцать?

Нашей героине вообще-то было несколько за сорок, однако она не могла не оценить изящества комплимента и улыбнулась.

– Да, – проговорил старик, испытующе глядя на нее. – Когда я встречаю красавиц разных лет, которые напоминают мне ее, я всегда представляю, какой она стала бы с течением времени, не погибни тем июньским днем, когда подписала мне на память свое фото. Представляю, как она выглядела бы в тридцать, сорок, пятьдесят... в восемьдесят или в девяносто лет... Хотя от души надеюсь, она упокоилась бы гораздо раньше.

– Надеетесь? – изумилась Алёна. – Вы не хотели бы, чтобы она жила долго?

– Я бы не хотел, чтобы она жила чрезмерно долго. Женщины не должны стариться. Они... как бы это сказать... – Он прищелкнул сухими пальцами (с отличным, впрочем, маникюром). – Они изменяются слишком уж безвозвратно!

– Ага, – усмехнулась Алёна чуть обиженно и в то же время с той поразительной свободой, которую она ощущала в присутствии странного собеседника. – Долгожительство – привилегия мужчин. Понимаю. Однако где-нибудь в Америке вас непременно привлекли бы к ответственности за унижение женского достоинства или за что-нибудь еще в таком роде!

– Например? – вскинул старик седые брови.

– Ну... за что-нибудь, – туманно продолжила Алёна. – Американцы уж нашли бы, за что! А вообще-то современная косметология дает женщинам возможность выглядеть очень классно и очень долго.

– Дело не в количестве морщин, вы меня неправильно поняли, – возразил буржуй-шовинист, пожав плечами. – Дело в том, что женщины становятся избыточно мудрыми в преклонных годах. Они теряют способность чему-либо удивляться, и с ними бывает невероятно скучно.

– Конечно, – ядовито хмыкнула Алёна, – а со стариками... я хотела сказать, с мужчинами в годах жутко весело!

– Жутко не жутко, но весело, – сообщил буржуй, назвать которого скромным явно нельзя было даже под пыткой. – Вот вам со мной разве не весело? Признайтесь положила руку на сердце!

Алёна коснулась рукой левой стороны груди, где у людей, как правило, расположено сердце (оговорка необходима, поскольку ей приходилось общаться с особями, как правило, мужского рода, у коих данный орган отсутствовал просто по определению), и призналась:

– Весело.

– Ага! – обрадовался старикан. – А все почему? Потому что я вами восхищен, чего и не скрываю! Засим прощайте, прекрасная дама. Не смею вас более задерживать.

И он галантно посторонился, пропуская Алёну в коридор.

– Спасибо, – от души сказала наша героиня. – Будьте здоровы!

Еще ей почему-то захотелось пожелать ему непременно встретиться на небесах с той, которую он любил, но это было бы... как-то уж... уж как-то чересчур. Поэтому она просто улыбнулась старику на прощание и направилась к двери редакции.

Алёна Дмитриева пришла сюда по делу. Газета «Карьерист» вовсе не являлась органом эгоцентристов и дельцов в одном лице, как можно подумать по названию. Это была деловая,

но живая, веселая газета, в которой много писали о хороших книгах (о книгах, между прочим, нашей героини тоже), так что неудивительно, что издание она любила, а с редактрисой газеты по имени Марина даже могла бы подружиться, не будь они обе так сильно заняты каждая своим делом (впрочем, дружить с женщинами у Алёны как-то не слишком получалось, так уж сложилось исторически).

Марина уже целый год собирала со всей интеллигенции Нижнего книги для сельских библиотек. Писательница Дмитриева приволокла в «Карьерист» гору своих книг, за что даже почетную грамоту получила от газеты, поскольку, как ни странно, ее произведения были любимы если не всем народом, то хотя бы некоторой его частью. И вот редактор «Карьериста» была намерена в скором времени развезти по библиотекам очередную порцию чтива, однако Марине вдруг взбрело в голову, что писательница Дмитриева должна свои книжки снабдить автографами для благодарных читателей. Якобы в том состоит ее гражданский долг. Во как! И писательница Дмитриева, которая добрыми отношениями с Мариной дорожила, явилась сегодня, как пионерка, хотя любому другому человеку зазвать ее куда бы то ни было, тем паче – для исполнения гражданского долга, было практически невозможно. К примеру, на выборы она уже много лет не ходила, начиная от выборов председателя жилтоварищества и кончая президентскими. А зачем? И так ясно, кто, что и зачем будет делать... Впрочем, мы что-то не о том.

Короче, Алёна вошла в редакцию «Карьериста» – и немедленно насторожилась. В помещении, где всегда приятно пахло хорошим кофе, типографской краской и газетной бумагой (последнее совершенно непонятно, ведь газету печатали не здесь, здесь ее только придумывали, набирали на компьютерах и на них же верстали!), сейчас отчетливо пахло бедой. То есть кофе тоже пахло, но его аромат перебивался духом тревоги и озабоченности.

У красавицы брюнетки Марины было потемневшее, осунувшееся лицо, и Алёна, сама собой, после того как поздоровалась, сразу же спросила, что случилось. А произошло в самом деле неприятное: пропали две редакционные сотрудницы – корреспондент и фотограф. Пропали еще вчера утром, отправившись вместе на задание. Выехали они на редакционной машине, однако автомобиль, не сделав и километра, сломался и кое-как вернулся в редакцию, а девушки двинулись дальше, в центр Сормова, на общественном транспорте. И сгинули!

Неизвестно, что ожидала Лиза увидеть в ломбарде. Да, собственно, ничего не ожидала, потому что в мирной жизни своей она не была столь уж частой посетительницей ломбардов. А если честно сказать, явилась туда впервые, потому, наверное, насчет приемщицы она и дала маху – таковой в тесной комнатухе, где стояли две табуретки для посетителей, а угол был отгорожен довольно неуклюжим прилавком, и в помине не имелось. Вместо нее за тем прилавком сидел просто-таки иконописный старикан: серебряно-седые, в скобку постриженные волосы, столь гладко обливавшие голову, что напоминали шлем, постное – даже губы поджаты от постности! – выражение морщинистого лица, украшенного небольшой и очень аккуратной бородкой. Наличествовали также и усы, которые несколько искажали картину святости, поскольку обладали характерным желтоватым оттенком, свидетельствовавшим о том, что старый постник курил, а значит, был сущим ханжой, коли предавался дьявольскому пороку при столь благолепном облике. Черная косоворотка в белый горошек из вылинявшего сатина чем-то напомнила Лизе ее платье, и она непременно дала бы себе клятву никогда его больше не надевать, когда бы имела, чем заменить...

– Черт меня поberi! – изумленно пробормотал Алекс Вернер. – А старикашка здорово выпадает из образа! Здесь должен бы стоять какой-нибудь жид в пейсах и ермолке, этакий типичный Шейлок с отчетливо читаемой во взоре жаждой вырезать у каждого истинного арийца изрядный кусок живого мяса, а я наблюдаю истинно русское благообразие.

По мнению Лизы, старикашка своим тошнотворным «благообразием» очень сильно напоминал Луку из пьесы Горького «На дне», но углубляться в литературные аллюзии она не стала.

– А впрочем, – проговорил Вернер, склоняя голову то к одному плечу, то к другому и окидывая ростовщика таким взглядом, словно мерку с него снимал, – откуда же тут взяться колоритному Шейлоку? Всех местных евреев еще полгода назад отправили в гетто, так что придется довольствоваться тем, что есть. Вернее, тем, кто есть. По-слу-шай-те, ми-лей-ший, – перешел немец на вполне вразумительный, хотя и несколько замшелый русский, – не откажите в любезности взглянуть на кви... кви... quittung! – Тут Вернер сбился, чертыхнулся и пожал плечами, а старик пришел ему на помощь:

– Я говорю по-немецки. Позвольте вашу квитанцию, герр обер-лейтенант.

– В самом деле говорите. И очень недурно! – обрадовался Вернер. – Прошу, взгляните. Впрочем, квитанция не моя, а прелестной фрейлейн, но я ее добрый знакомый, а потому счел нужным лично сопроводить даму.

– Понимаю, – кивнул старик, переводя бледно-голубые, словно бы выгоревшие, глаза на Лизу. – Вы желаете забрать свою вещь?

Она стояла столбом. Что делать? Что сказать? Исполнить при Вернере просьбу умирающей невозможно. Хороша же она будет, передавая привет от погибшей! Ладно еще, вовремя выяснилось, что Вернер недурно понимает и даже говорит по-русски (вот гад, и где только наловчился?). А если старик-приемщик помнит Елизавету Петропавловскую? Сейчас он спохватится, заорет: «Да ведь квитанция-то не ваша! Вы ее украли!»

Но если старик даже и собирался сделать что-то в таком роде, то он просто не успел.

– Вот именно! – вмешался Вернер. – Фрейлейн желает забрать свою вещь. Назовите сумму, я уплачу.

Лиза дернулась было возмущенно:

– Нет-нет, что вы!

Однако Алекс Вернер и бровью не повел. Достал из кармана объемистый бумажник и спросил с самой беззаботной улыбкой:

– Сколько? Сто марок? Двести? Пятьсот?

– Нет-нет, не так много, герр обер-лейтенант, – наиприветливейшим образом отозвался старикашка. – Залог выплачен почти полностью. Остался последний взнос – всего-навсего двадцать пять марок. И милая барышня сможет забрать свой медальон.

– Всего двадцать пять марок? – явно разочарованно повторил Вернер. – Ну вот, а мне так хотелось тряхнуть кошельком и выступить в роли поистине щедрого рыцаря.

Лиза молча смотрела на старика. Если залог выплачен почти весь, значит, настоящая Лиза Петропавловская бывала здесь не единожды. И старикан не мог ее не запомнить. Однако в его бледных глазах не видно никакого сомнения. А может быть, он еще не сообразил, что происходит? Или раньше тут был другой приемщик, и старик просто не знает Лизу в лицо? Скорей всего, так и есть. Вот повезло, ну просто невероятно повезло!

Старик принял от Вернера деньги, тщательно пересчитал и сел за маленький, явно неудобный письменный стол, покрытый кухонной клеенкой с давно выцветшим и неразличимым узором. На клеенке лежали гроссбухи и стоял очень красивый, можно сказать, даже роскошный чернильный прибор каслинского литья, находившийся в вопиющем противоречии с убогой обстановкой ломбарда. «Наверное, кто-то сдал, а выкупить не смог», – подумала Лиза и почувствовала неприязнь к ростовщику, наживающемуся на чужих несчастьях. Ну да кому война, а кому мать родна, кажется, так говорится...

– На чье имя прикажете выписать квитанцию о приеме денег? – спросил старик, переводя взгляд с Вернера на Лизу и беря плексигласовую ручку с вставленным в нее перышком.

Лиза посмотрела на нее с отвращением. Точно такая была у Фомичева. Ею не пользовались со времени покупки в магазине – совершенно новенькая, с блестящим перышком «рондо», она торчала в стаканчике рядышком с тупым химическим карандашом. А подле стаканчика стояла высохшая чернильница-непроливайка. Она тоже была не нужна, потому что Фомичев писал только тем самым химическим синим карандашом – слюнил его во рту и, крепко сжав в толстых пальцах, корябал по тетрадному листку, присапывая от старания...

Лиза передернулась от тошнотворных воспоминаний, но тут же опомнилась и прислушалась к разговору.

– Мне никакой квитанции не нужно, – заявил между тем Вернер. – Выпишите ее для фрейлейн.

– Как прикажете, – кивнул старичок и принялся листать гроссбух, бормоча: – «Эн», «о», «пэ»... – Найдя, что искал, он взял ручку и начал писать, приговаривая: – Елизавета Петропавловская, адрес: улица Липовая, 14 а. Ничего у вас не изменилось, фрейлейн? На другую квартиру не переехали?

Лиза молча покачала головой. Она смотрела на старика – тот держал ручку как-то странно, хотя в чем странность, Лиза не могла понять.

– Извольте, – подал старик квитанцию. – А вот и ваш заклад... – Открыв выдвижной ящик письменного стола, он извлек довольно большой медальон на цепочке – явно золотой, чистого, ярко-желтого оттенка.

– Великолепная вещь, – продолжил ростовщик, приветливо глядя на Лизу, – я очень рад, что она к вам вернулась. Старинное червонное золото, теперь такого не найдешь!

Медальон был очень красивым и изящным: прекрасное плетение цепочки, тонкая вязь рисунка покрывает сердечко... Но не на него смотрела Лиза – она не могла отвести глаз от пальцев приемщика. Правая рука его была изувечена самым жестоким образом, пальцы нелепо скрючены, и непонятно, как старик вообще мог перо держать и писать. Неудивительно, что почерк у него такой корявый и неразборчивый.

У Лизы вдруг пересохло в горле. Неразборчивый почерк... На квитанции о приеме вещи в залог точно такой же почерк. Значит, старик выписывал и первую квитанцию. Почему он промолчал? Почему не изобличил ее?

Неужели не узнал подлинную Лизу Петропавловскую? Да нет, непохоже... Его выпцветшие глаза, чудится, насквозь человека видят! Узнал, конечно, но решил, видимо, не связываться с немецким офицером. Подумал небось, что настоящая Лиза Петропавловская потеряла квитанцию, а двое авантюристов решили пожить.

Ничего себе, пожить! Вернер готов был пятьсот марок выложить, и если бы залог уже не был выплачен, непременно бы выложил.

Стоп. А был ли выплачен залог? Беспокоилась бы так Лиза Петропавловская из-за каких-то двадцати пяти марок? Неужели думала бы о них перед смертью?

Здесь что-то не так. Не так! Очень подозрительно все. И то, что старик достал такую ценную вещь из незапертого ящика стола, тоже. Для хранения ценностей ведь сейфы существуют, медальон же не целлулоидная игрушка!

Да, все как-то тревожно и странно. И ей явно не удастся сообщить старику о гибели Лизы Петропавловской. Значит, нужно будет прийти сюда еще раз. Надо попытаться отделаться от Вернера, а потом вернуться – и...

Они простились с подобострастно кланявшимся ростовщиком и вышли, причем на крыльце при виде Вернера вытянулся во фрунт парень в кепке, поношенном пиджаке, высоких сапогах и солдатских галифе. На рукаве его пиджака была белая повязка с надписью «Polizei».

«Полицай! Это полицай, предатель», – догадалась Лиза. Их ненавидели не меньше, чем самих фашистов. Жалко, красивый парень (как бы итальянского типа – огромные карие глаза, черные волосы, тонкие черты, смугло-румяное лицо) – и предатель! Да, с ним Ломброзо ошибся бы, это точно.

А она сама? Какое она имеет право кого-то осуждать? Баскаков называл предательницей и ее, просто потому, что она хотела жить, не хотела умирать.

Лиза стиснула зубы. Не думать! Ничего не вспоминать!

Вернер забежал вперед и предупредительно распахнул перед ней дверцу «Опеля»:

– Садитесь, фрейлейн, я отвезу вас домой.

– Нет-нет, что вы, это слишком, вы чересчур добры... – забормотала она нервно, с трудом вспоминая «свой» адрес, названный стариком (Липовая улица, 14 а – так, кажется), и понимая, что пропадет, если Вернер попросит показать дорогу.

Господи, делать ему нечего, что ли? Партизаны в окрестных лесах еще остались, в городе, судя по словам Баскакова, подполье действует, и вообще – война ведь идет! Вот ты и вой, герр обер-лейтенант, а не с девушками любезничай. К тому же любезничаешь ты с русской. А как насчет твоего расового сознания? Значит, ты не ариец, Алекс Вернер, нет, ты не настоящий ариец!

– Не понимаю, как можно быть слишком добрым, – усмехнулся между тем «не настоящий ариец», не обращая внимания на явное нежелание Лизы сесть в машину и мягко, но настойчиво подталкивая ее. – Слишком добрым, избыточно благородным, излишне благообразным... Мне кажется, эти понятия относятся к разряду абсолютных. А вы так не полагаете?

Лиза смирилась с судьбой и снова плюхнулась на кожаное сиденье «Опеля». Ей было не до лексических упражнений, честное слово. Потому что вот сейчас Вернер явно спросит, как проехать к «ее» дому, и... И что она будет делать?

Придется разыграть внезапный приступ жестокой тошноты, попросить остановить машину, сказать, что ее укачало, что она больше не может ехать, иначе испортит салон автомобиля. Даже, кажется, разыгрывать ничего не придется – ее вот-вот и в самом деле вырвет от страха и всех непоняток, которые на нее обрушились.

– Приехали! – возвестил в тот момент Вернер, и автомобиль, не сделав и двухсот метров после поворота за угол, остановился. – Я довольно хорошо знаю эту улицу, часто проезжал по ней, ведь в конце ее находится тот самый ресторан, где вам предстоит работать. Даже жаль, что так близко оказалось до вашего дома.

«Если он начнет набиваться в гости, я заору!» – мрачно подумала Лиза, выползая из машины.

– Милое местечко, идиллическое, – пробормотал Вернер, глядя на покосившуюся, заржавевшую металлическую ограду, на которой косо висела табличка с названием улицы и номером дома. – Надеюсь, вы живете вон там, а не там?

«Вон там» находился одноэтажный флигелек, спрятавшийся в зарослях отцветшей сирени. Ну а просто «там» располагались развалины двухэтажного дома, заросшие крапивой и бурьяном.

Лиза тупо посмотрела на своего неотвязного спутника и поняла, что он так шутит. Хм, шуточки у него...

– Ну что ж, милая Лиза... Кстати, как вас величать по отчеству? – осведомился Вернер. – Или вы не против, чтобы я обращался к вам по имени, как водится между добрыми приятелями?

Лиза пробормотала что-то на тему, мол, она не против, как водится между... и все такое. Она предпочла бы, чтобы Вернер немедленно впал в амнезию и забыл ее имя, фамилию и адрес, лишь только отъедет на пять шагов, но рассчитывать на подобное вряд ли приходилось.

– Я не прощаюсь! – объявил Вернер. – Вечером непременно буду в «Розовой розе». Надеюсь увидеть вас там. А может быть, и не только увидеть!

Он прищурился так многозначительно, что Лизе безумно захотелось вlepить ему пощечину. Но все же почти невероятным усилием воли она удержалась.

Ага, жди! Тащись в свою «Розу», жди там новую официантку, девицу для утех господ офицеров! Не дожدهшься. Сейчас Лиза вернется в ломбард, а потом...

Она постояла у калитки, висевшей на одной петле, надеясь, что Вернер уедет наконец. Однако тот, видимо, решил быть галантным до последней капли крови и не трогаться с места, пока Лиза не войдет во двор. Сидел за рулем, кивал головой в надвинутой на лоб фуражке и тыкал на калитку указательным пальцем: идите, мол, туда, идите! Лиза в конце концов не выдержала и вошла во двор, чувствуя такой приступ человеконенавистничества, какого ранее не то что не испытывала, но даже вообразить не могла.

Она сделала несколько шагов к флигелю, и только тогда заработал мотор «Опеля», а потом и его рокот отдалился. Неотвязный Вернер отвязался наконец. Можно уходить отсюда, дорога свободна!

Но Лиза не трогалась с места. Навалилась вдруг такая усталость...

Наверняка ключ от дома Лизы Петропавловской лежит в ее саквояже. Можно отпереть дверь, зайти, поесть (наверняка там найдется какая-нибудь еда, хотя бы хлеб), попить чаю или в крайнем случае просто воды, передохнуть. Она так устала, так ужасно устала!

Нет. Заходить туда нельзя. Чужая жизнь, в которую она нечаянно окунулась, затягивает, как водоворот. Чужая маска, которую она невольно на себя надела, начинает прирастать к лицу. Нет, нужно как можно скорей вернуться в ломбард.

А потом? Что она будет делать потом? Да уж не жить под чужим именем, конечно. У Лизы Петропавловской были друзья, знакомые... В конце концов, может ее любовник-немец – как его там, Эрих? – нагрянуть. Обнаружит подмену...

Лиза отвела взгляд от белых, обшитых кружевом занавесок, которые были видны сквозь чисто вымытое окошко флигелька. Почему-то ей показалось, что именно здесь жила Лизочка и окно ее, занавески ее. Хотя кто знает, на самом-то деле...

Она вздохнула прощально и уже совсем решилась выйти назад на улицу, как вдруг дверь домика распахнулась и на крыльце показался какой-то мелкий, худой, вертлявый мужчинка лет сорока, до крайности похожий на маленького таракана, а может, просто жучка. Он имел чисто выбритое гладкое личико, почему-то наводившее на мысль о восковой маске, гладко прилизанные волосы и узкие губы, почти не видные под щетинкой усов. Усы, к слову сказать, у него были не тараканьи, даже не «вильгельмовские» (торчащие в стороны, напояженные и подкрученные), а узенькие, тщательно подбриваемые. Их носитель явно пытался подражать Гитлеру, так что понятно, почему Лиза мгновенно преисполнилась к мужчине отвращением. Однако «таракан» уставился на нее с превеликой приветливостью.

– Гутен таг! – закричал он и даже рукой помахал. – А ведь вы, наверное, есть панна, то есть фрейлейн Петропавловская?

Лиза заморгала, совершенно изумленная. Откуда он ее знает? Вернее, откуда знает, за кого она себя выдает? Мистика какая-то...

Мистика, впрочем, немедля разъяснилась.

– Мы с вами не имам чести знать! – радостно возвестил «таракан». – Но я про вас шибоко наслышан от тетушки, от Натальи Львовны. Она говорила, что во втором номере живет молодая и очень-очень красивая барышня, фрейлейн Лиза Петропавловская. Тетушка уехала на неделю в сельскую местность, а мне велела исполнять ее обязанности как владелицы сего строения. – Он помахал в сторону флигеля. – Мое имя есть Анатолий Пошехонский. Я заходил к вам знакомиться, но дома не застал и решил, что, видимо, вы отправились исполнять трудовую повинность, а может быть, меняете носильные вещи на продукты. И вот вы явились на место жительства!

– Извините, – не выдержала Лиза, – а почему вы говорите так странно? Как будто и не по-русски...

И тут же в ужасе прикусила язык: а что, если Лиза Петропавловская была confidentкой Натальи Львовны, «владелицы сего строения», и знала биографию ее племянника Анатолия Пошехонского? Мужчинка сейчас заподозрит неладное... Нет, бежать отсюда скорей! Только вот как от трепача-«таракана» отвязаться? Мужчины здесь, в Мезенске, пристающие до неприличия. Сначала Алекс Вернер цеплялся, теперь этот. Дернула же нелегкая задать племяннику хозяйки дома такой дурацкий вопрос!

– Так я ж с Запада приехал, с Варшавы, – с радостной улыбкой пояснил между тем Анатолий, который, кажется, не увидел в Лизинем вопросе ничего дурацкого. – Москальское наречие мне не так чтобы очень привычно. Уж извиняйте, будьте ласковы! Зато по-немецки я шпрехаю отменно, поскольку есть чистокровный фольксдойче⁴.

Несомненно, последнее словосочетание употреблялось в русском языке впервые, и Лиза, как ни была напряжена, отреагировала соответственно, с трудом сдержав усмешку.

Племянник, впрочем, не заметил припадка ее невежливого веселья, а таращился на нее с откровенным восторгом.

– Тетушка совершенно права была, сказавши, что вы красавица, – возвестил он с улыбкой. – И ежели вы, к примеру сказать, чувствуете некоторую тоску длинными одинокими вечерами, я с превеликим угождением готов вашу тоску развеивать. Вам стоит только отдать такое волеизъявление, фрейлейн Лизонька.

Лиза нервно кашлянула, чувствуя себя персонажем какой-то трагикомедии и отчаянно мечтая из нее выбраться. Во-первых, в нем росту – метра полтора, не более. Во-вторых... и во-всяких! Да пошел он туда же, куда она уже отправила мысленно некоего Алекса Вернера!

---

⁴ Фольксдойче – так на оккупированных фашистской Германией территориях назывались люди смешанного происхождения, наполовину немцы.

Кажется, единственный способ избавиться от «племянника» – войти в квартиру Лизочки Петропавловской. О господи, болото прошлого, трясина случайностей затягивает ее все глубже...

– Извините, – забормотала Лиза, – пан... господин Анатоль...

– Для вас я всегда готов стать просто Толик! – пылко возвестил племянник.

– Да-да, конечно, но я, понимаете ли, устала и сейчас хотела бы отдохнуть. Я пойду домой, хорошо?

– Конечно, конечно! – всплеснул руками племянник и вцепился в ручку саквояжа, явно намереваясь отнять его у Лизы. – Эдакое глупство, что я тут с вами точу разговоры, когда вы желаете протянуть с устатку ноги! Позвольте вам помочь, панночка, позвольте поднести ваш сак и отпереть вашу дверь. Извольте ключик, наикоханнейшая Лизонька!

Ну уж нет, прилипалу-«таракана» «наикоханнейшая Лизонька» даже близко к порогу не подпустит, не то что ключ ему дать. Потом не отвяжешься! Даже и сейчас отвязаться очень непросто.

– Извините, пан Анатоль, но я сама... – упрямо заговорила она.

Однако вышеназванный не выпускал ручку саквояжа. По физиономии ему дать, что ли? Лиза испытала величайшее искушение поступить именно так!

– Эй, кто здесь хозяин? – раздался в это время ленивый голос, положивший конец затянувшейся сцене.

Пан Анатоль мигом отдернул руки от саквояжа и обернулся к воротам, в которые входил человек в кепке, с винтовкой и белой повязкой на рукаве. К изумлению Лизы, им оказался тот самый черноокий итальянистый красавец, которого она видела на крыльце ломбарда. Он, впрочем, не обратил на нее ни малейшего внимания, а холодно воззрился на суетливо подбежавшего Анатоля.

– Ты хозяин?

– Не так точно, пан, то есть господин полицай, – отозвался тот. – Я есть племянник хозяйки, а она нынче в отъезде.

– Да мне нету разницы, кто из вас есть, а кто в отъезде, – сурово сообщил полицай. – Ты мне лучше скажи, вот это кто тут развел? – И он ткнул пальцем в развалины старого барского дома.

Анатоль воззрился на них недоуменно. Честно говоря, Лиза тоже была озадачена вопросом. Кто развел что? Развалины? Или бурьян на них? Станный вопрос, честное слово.

– Чего изволите сказать? – переспросил растерянный Анатоль.

– Я говорю, что заросли создают опасность. Неужели не понятно? – раздраженно объяснил полицай. – Тут же целый лес! В них может большевистский диверсант засесть, а то и снайпер. И никто не догадается, откуда он станет пулять в господ немецких офицеров, – погрозил он пальцем Анатолю, как провинившемуся малолетке. – Вот я и спрашиваю, почему, по недомыслию или злему умыслу, развели тут пристанище для врагов нового порядка? Партизанен, пуф-пуф! – И он наставил на Анатоля указательный палец, как дуло пистолета.

Лизе, конечно, нужно было убраться в квартиру, а то и за ворота потихоньку выйти, но ее ноги словно приросли к земле. Она во все глаза смотрела на полицая, но, само собой, вовсе не из-за его горячей красоты, а просто не могла взять в толк, серьезно он говорит или придуривается. Фарс какой-то, честное слово! Жуткий и жестокий фарс, вот куда она попала. И зло спросила себя: не лучше ли в таком случае было остаться в лесу? Сама же себе и ответила: лучше. Если бы не Баскаков и не Фомичев. Если бы не Фомичев и не Баскаков!

– Короче говоря, – попытожил полицай, которому, видимо, надоело наблюдать две пары откровенно вытарашенных на него глаз, – вот тебе приказ от городской управы: чтоб не позднее завтрашнего вечера тут ни травинки не было. Ясно?

– О, пан полицай! – возопил Анатоль в откровенном ужасе, переводя перепуганный взгляд то на джунгли в развалинах, то на полицая. – Да как же сие возможно? Тут неделю надо трудиться! Нет у меня таких сил и возможностей! Кроме того, я не настоящая хозяйка развалин, а племянник!

– Да какая разница немцам, кого к стенке ставить – тебя или настоящую хозяйку? – искренне удивился полицай. – Не хочешь к стенке? Тогда чего ерепенишься? Давно взял бы себе из лагеря парочку пленных для домашних работ. Благо благонадежным гражданам это разрешается. А там не все жида да комиссары, есть ребята смирные, трудолюбивые, которые только и мечтают себя немцам с хорошей стороны показать, они не сбегут. Только нужно и пленных, и их охранников кормить да взятку дать начальнику охраны. Ну и мне за посредничество...

Он показал в наглой улыбке белоснежные зубы.

– Столько народу! – возопил в ужасе Анатоль. – Столько денег! Нет, такое не для моего кармана! Пускай тетя, пускай она, я нет, я не буду...

– Хм, воля твоя, – зевнул полицай. – Только тогда не обижайся. Я доложу в шуцманшафт, в полицейский участок, что по такому-то адресу, значит, саботируют распоряжения господина коменданта.

– Нет! – горестно всхлипнул Анатоль.

Восковая мордашка его исказилась такой искренней болью, что в любой другой ситуации Лиза непременно пожалела бы его. Но выбирать ситуацию ей не было дано, а потому жалеть Анатоля она не стала. И вообще, ей перепалка мужчин надоела. Краем уха слушая, как горько вздыхающий племянник сговаривается с полицаем, во сколько и куда завтра прийти за пленными, она поднялась на крыльцо, нашарила в саквояже ключ и отперла английский замок на двери, посреди которой была намалевана белой краской большая облупленная цифра 2.

* * *

– Слушайте, а они что, поехали в Сормово в какой-то бандитский притон? – осторожно спросила Алёна. – С криминальными авторитетами встречаться?

– Да какие, к чертям, авторитеты! – с досадой воскликнула Марина. – В музей района поехали, только и всего. Там вроде факты какие-то новые вскрылись насчет войны, ну и надо было узнать, что и как. У нас же рубрика есть: «Люди войны». И ведет ее Катя, корреспондентша. А Тоню отправили с ней, потому что в музее протечка крыши и еще какая-то гадость, экспонаты заливают. В общем, нас попросили взять это дело на контроль. Ничего более некриминального просто придумать невозможно, верно? Но девчонки пропали – ни дома их нет, ни на работе.

– Но ведь они же, кажется, барышни взрослые, – еще осторожнее проговорила Алёна. – Не могло быть так, чтобы...

– Не могло! – с большей досадой ответила Марина и даже воздух ладонью рубанула в доказательство того, что нет, не могло. – Тоня еще ладно, она худо-бедно способна на некоторые... мм... неожиданности, но Катерина... Нет, исключено! Катя железный человек. Для нее работа – прежде всего, и всякое такое. К тому же у нее встреча была сегодня назначена с одним иностранцем, немцем вроде бы, который специально в Нижний приехал, чтобы с ней поговорить. Я не сильно в курсах, что там и как, но Катерина какой-то сенсацией грозила. Дедуля к ней пришел, а ее нет. Часа полтора прождал, да так и ушел. Правда, философски отнесся к тому, что Катерины нет, мол, дело молодое... Я уж не стала ему говорить, что девчонки еще вчера пропали, а то хватил бы кондрат старикана – он уже совсем божий одуванчик. Вообще, на грани старческого маразма, ну разве можно в такие годы в такую даль пускаться?

– Я этого старикана видела, – усмехнулась Алёна. – Ничего себе одуванчик! Он еще хоть куда, по-моему, маразма в его случае ждать дольше, чем Сольвейг ждала Пер-Гюнта. Да, впрочем, бог с ним. Слушайте, Катерина из какой редакции?

– Из культуры, – сердито ответила Марина, которую, такое ощущение, праздное любопытство Алёны начало раздражать. – Разве вы ее не помните? Она вот здесь, за компьютером сидела, вы же ее видели. Неужели не помните?

Уже говорилось: хорошей памятью, особенно зрительной, Алёна не отличалась. То есть иногда некоторые лица впечатывались в нее просто намертво, а некоторые так и скользили где-то по обочине сознания. И поэтому она только виновато покачала головой, поглядев на стол, на который показала Марина: не помню, мол. И вдруг взгляд ее упал на фотографию, стоявшую в рамке, – две девушки держат огромного белого медведя и тянут его каждая к себе, как Груше и жена губернатора тянули в разные стороны ребенка в пьесе Бертольда Брехта «Кавказский меловой круг».

– Это они, – сообщила Марина похоронным голосом, заметив взгляд писательницы. – Они за один репортаж приз получили на двоих... их потом даже по телевидению показывали...

В голосе редактрисы задрожали слезы, но Алёна не обратила на ее печаль внимания, будучи всецело занята разглядыванием фотографии.

– Боже ты мой! – воскликнула она внезапно. – Слушайте, ну и растяпа же я, память – совершенно как решето... А я-то все думала, ну где я ту девушку видела? Конечно же здесь!

– Вы о чем, Алёна? – весьма раздраженно спросила Марина, видимо, до глубины души пораженная черствостью писательницы Дмитриевой. – О чем вы говорите, когда...

– Да о том, что я вашу барышню вчера видела! И подругу, наверное, тоже – вроде бы там были две девушки. Катю заметила, потому что она, во-первых, рыженькая, а во-вторых, на меня поглядывала, как на знакомую. Слушайте, Марина! Когда именно пропали ваши девчонки?

– Примерно в полдень наш водитель оставил их на площади Горького.

– Ну точно! Я их видела в начале первого, – кивнула Алёна. – Именно на площади Горького, около магазина «Поларис». Я туда шла модом новый покупать, мой почему-то настройки не сохраняет – стоит, скажем, электричеству отключиться, и его надо заново настраивать. Так я о чем? Шла, значит, я в «Поларис» и увидела, как ваши девочки садятся в серый «Ниссан».

– Вот как? – нахмурилась Марина. – Получается, что они остановили попутку, и чертов «Ниссан» завез их невесть куда?

– Ну, – осторожно сказала Алёна, – очень может быть, что так все и было.

– Погодите! – всплеснула руками Марина. – Выходит, вы их последней видели? А номер того «Ниссана»? Номер у него какой?

– О господи... – пробормотала покаянно Алёна. – На номер-то я и не посмотрела, вот балда. То есть просто совершенно не обратила внимания.

– Алёна, Алёна! – в отчаянии почти закричала Марина. – Да напрягитесь же! Вы ведь детективы пишете и должны... не можете не понимать... Вам только кажется, что ничего не заметили, а если порыться в памяти, то вдруг чего и вспомните!

– Нельзя вспомнить то, чего не знаешь, как говорила одна моя подруга, – огорченно вздохнула Алёна, тем не менее добросовестно обшаривая закоулки своей дырявой памяти. – Только и помню, что машина была «Ниссан». Я почему-то тогда про Чапека стала думать, а про девушек забыла.

– Чапек-то здесь при чем? – в сердцах бросила Марина. – Нашли о ком думать в такой момент! Я его вообще терпеть не могу.

– Ну я же не знала, что момент именно такой, – оправдывалась Алёна. – Чапека я тоже не очень люблю, кроме одного его рассказа, такого полудетективного... – И она вдруг замерла, уставилась на Марину, вскрикнула: – Вспомнила! Вспомнила, почему я про Чапека подумала! У него же есть рассказ про поэтические ассоциации, там какой-то поэт видит машину, сбившую женщину, и восстанавливает ее номер с помощью пришедшей ему в тот момент в голову метафоры... Двойки он сравнивает с шеями лебедей и так далее. Точно знаю, почему я про Чапека подумала... потому что в номере того «Ниссана» было две шеи лебедя. В смысле, две двойки.

– Так... – обронила Марина, и ее щеки загорелись от волнения. – Ну, теперь они у меня попляшут! Теперь пусть попробуют не принять мер! Я их со свету сживу!

И она сделала своими изящными руками, пальцы которых были унижены перстнями один другого краше, такой жест, как если бы кому-то немилосердно скручивала шею.

– Марина, а кто такие «они», о которых вы так сурово говорите? – осторожно поинтересовалась Алёна.

– Да эти... – Марина выразилась весьма энергично. – Из милиции!

Тут выяснилось, что Марина, обеспокоенная судьбой девушек, пыталась заявить об их исчезновении, однако заявление в милиции у нее не приняли. Ответили, что предпринимают действия по розыску пропавших лишь по просьбам близких родственников, во-первых, а во-вторых, мол, девушки уже совершеннолетние и мало ли какие у них могут быть потребности. «Потребности, они так и сказали!» – с отвращением повторила Марина. И подчеркнули: фактом пропажи начинает считаться трехдневное отсутствие человека, а прошли всего лишь сутки.

Марина немедленно набрала известный уже ей номер и сообщила сведения о «Ниссане» и двух двойках в его номере. Некоторое время она слушала ответ дежурного. Потом лицо ее исказилось бессильной яростью, и, рывкнув: «Я больше не могу этого слушать! Вы не собираетесь, что говорите!» – она шваркнула трубку на рычаг.

Алёна вздохнула и с жалостью взглянула на свою взбешенную приятельницу. Нетрудно было угадать, что ей сказали. Какую-нибудь гадость насчет девушек, которые небось поехали кататься со своими любовниками...

– Что, опять посоветовали ждать трое суток? – невесело усмехнулась писательница.

Марина снова выразилась весьма энергично. Алёна даже поежилась, поскольку к инвективной лексике относилась резко отрицательно. С другой стороны, такая уж ситуация сложилась инвективная, что без соответствующей лексики просто не обойтись.

– Ничего я не собираюсь ждать! – бушевала Марина. – Я знаю Катьку – она не способна загулять. И даже если загуляла бы, то обязательно позвонила бы, предупредила. Она же знает, что нам послезавтра номер сдавать, она бы... – Она даже поперхнулась от гнева и воскликнула: – Немедленно поеду к начальнику отделения. Они у меня все попляшут!

Марина бросилась к вешалке и уже сорвала с нее плащ, когда Алёна сказала:

– Погодите-ка. Есть один человек... Не хотела я его дергать, но раз такая история...

И она, достав мобильный телефон, вызвала номер, который в ее записной книжке был зашифрован как «МЛИн».

Притворив за собой дверь, Лиза постояла в прихожей, не решаясь войти в «свою» квартиру. Из прихожей вел коридор, по обе стороны которого были комнаты: две слева и две справа. Хотя нет, одна из комнат справа – кухня.

Она наконец заставила себя войти. Боже ты мой, до чего убогая обстановка! И вот странность – выделялись в ней прекрасные иконы. Правда, без окладов, которые, очень может быть, блистали когда-то золотом-серебром. До чего великолепное письмо! Вот, например, Спас Нерукотворный... Какие мучительные, страдающие, живые глаза!

Хорошо, что ей не придется жить в квартире Лизочки. Под взором этих глаз начинаешь чувствовать себя просто-таки обязанной взойти на Голгофу.

Лиза прошла дальше, разглядывая громоздкие дубовые шкафы, продавленный и потертый до белизны коричневый кожаный диван с деревянными полочками наверху спинки, изящно расшитые или кружевные накидки, салфетки, занавески. Чувствуется, хозяйка была великая рукодельница. Неужели это все изделия той, другой Лизы? Хотя нет, многие вещицы пожелтели от времени и стирок – давняя работа, может, еще дореволюционная. Еще удивило множество книг на церковнославянском. Неужели здесь когда-то жил священник? Некоторые были подписаны: «Собрание отца Игнатия Петропавловского». Лиза наудачу открыла Новый Завет, прочла: *«сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая...»* – и поскорей захлопнула ее. Не надо про кровь! И без того страшно.

Она с радостью увидела патефон и стопку пластинок. Интересно, что на них, гимны православные, что ли? Нет, вполне светская, даже более чем светская музыка, в основном румынские пластинки, контрабандные, конечно: Вертинский, которого Лиза обожала, несколько дисков Петра Лещенко, а вот и советская пластинка Апрелевского завода: джаз Утесова. Ого, смело – держать песню из кинофильма «Веселые ребята» на виду... А впрочем, может быть, гитлеровцам нет дела до такой ерунды, как джазовая музыка, это ж не «Вставай, страна огромная!», в конце концов. Не послушать ли Вертинского для поднятия настроения? «Прощальный ужин» – самая любимая! «Мы пригласили тишину на наш прощальный ужин...»

Лиза осторожно потянула пластинку из конверта, и на пол выпал клетчатый листок, исписанный старательным круглым почерком:

По горам, по вершинам наша молодость шла,
Голубыми туманами наша юность прошла.
Пронеслася и скрылася, как лихой буйный шквал,
А теперь на пути у нас новый встал перевал.
Что же, верные друзья мои, снова надо в поход,
За любимую Родину зашагаем вперед.
Помня молодость милую, помня тех, кто упал,
Зашагаем, товарищи, на седой перевал...

Это была старая песня, Лиза ее знала и любила. Кому же она нравилась до такой степени, что человек записал ее слова на листок и хранил, несмотря на опасность? Почерк вроде бы женский. Слова записала ее тезка? Лиза Петропавловская?

Как странно... не очень-то сочетается: такая песня – и в то же время интимнейший подарок от какого-то фашиста... Лиза сунула листок обратно в конверт и отошла от полки с пластинками.

Загадки, загадки! Нечего и пытаться найти на них отгадки. Да и к чему?

Она заглянула в кухню и постояла, рассматривая огромный резной буфет, украшенный виноградными кистями, фруктами, оленьими рогами. Такую мебель только в музее увидишь. В этом буфете должны храниться какие-нибудь севрские сервизы, а не простенькие фаянсовые чашки и тарелки в линялых узорах, должны лежать сочная ветчина, и жирный желтый сыр, и настоящие виноградные гроздья, а не завернутый во влажную тряпицу (чтоб не сох, видать) кусок хлеба, кастрюльки с остывшей, осклизлой картошкой и каким-то жидким супом, пучок редиски, соль в стеклянной банке, накрытой бумажкой и перевязанной тесемкой, и баночка с этикеткой «Honig» (нарисованная рядом пчела, сидевшая на цветке, помогла Лизе вспомнить перевод этого слова: «мед»). Наверное, мед выдавали в пайках немецким офицерам, ну а Лизочке Петропавловской он перепал от Эриха Краузе.

Есть захотелось просто невероятно. Картошка выглядела неаппетитно, да и суп тоже. К тому же, чтобы его разогреть, нужно было либо растопить печку, либо разжечь керосинку, стоявшую в углу, на отдельном столике, а Лиза не желала заниматься первым и просто не умела второго. Поэтому она поела хлеба с медом (судя по мертвенному вкусу, сей продукт явно был эрзацем) и выпила воды из большого закопченного чайника, стоявшего на плите. Причем все время ее не оставляло препротивнейшее ощущение, будто она – вульгарная воровка, забравшаяся в чужой дом. Воровка не воровка, но в чужой дом она и впрямь забралась, хуже того – в чужую жизнь... И такая тоска вдруг взяла ее!

Очень хотелось полежать, отдохнуть, но Лиза не позволила себе расслабляться. Как можно скорей – в ломбард. И покончить со всем этим.

«А ты уверена, что тебе удастся покончить? Что ты сможешь выбраться из города?» – прошли по краю сознания неприятные вопросы.

Гоня мысли, от которых немедленно навернулись на глаза слезы – и не только навернулись, но и побежали по щекам, – Лиза схватила саквояж, кинулась к двери, но не успела взяться за ручку, как дверь распахнулась. На пороге стоял тот самый полицейский – итальянистый красавчик.

А ему здесь какого черта нужно? Вроде бы в квартире ничего бурьяном не заросло! Вот разве что станет искать партизан в буфете... Впрочем, надо быть с ним повежливей. Все-таки какой-никакой, а представитель власти. Вот надо же, а? Предатель Родины, плюнуть бы ему в физиономию, так нет, приходится этикет соблюдать!

– Добрый день, – холодно произнесла она. – Что вам угодит...

И осеклась, увидев позади полицейского постную физиономию того самого старикашки из ломбарда.

– Здравствуйте, – пробормотала Лиза растерянно. – Это вы? А я как раз собиралась...

Да полно, он ли это? Где угодливое выражение сморщенной физиономии? Где ханжеская улыбочка? Ледяные глаза, напряженный голос:

– Кто вы такая? Как к вам попала квитанция? Почему на вас вещи Лизочки?

Она оторопела. Вот те на! Нужно было очень хорошо знать погибшую девушку, чтобы узнать ее платье, туфли и саквояж. Выходит, старик был коротко знаком с ней. Но отчего не сказал этого же при Алексее Вернере?

Ладно, сейчас это неважно. Важно то, что красавчик полицейский тянет с плеча винтовку и явно готовится наставить ее на Лизу. И еще прикрикивает:

– Говори, быстро!

– Лизочка погибла, – выпалила Лиза, опережая его. И зачастила, торопясь успеть все рассказать, пока странная парочка не вышла из того почти омертвело оцепенения, которое вызвали ее слова: – Там, на берегу... на пляже, она играла в волейбол, купалась, потом налетел самолет... стрельба, взрывы... она была ранена, она умирала у меня на руках, ну и велела мне взять ее одежду, документы, отнести квитанцию в ломбард и сказать...

– Погибла... – прошептал старик, покачнувшись. Нетвердо прошел в комнату и сел, вернее упал, на продавленный диван, причем Лизе отчего-то показалось, что здесь он сживал не раз и не два, откидывался на спинку так же, как откинулся сейчас...

– Почему? – прошептал тяжело. – Почему она не ушла вовремя? Ведь знала же, что в два часа начнется обстрел!

Теперь Лиза застыла в шоке. Получается, ее тезка знала о налете? Получается, она связана с теми, кто его устроил? Выходит, тут без партизан не обошлось. Но если старик и полицей в курсе, значит, и они тоже – партизаны? Вернее, подпольщики?

Вот уж попала Лиза Ховрина... В самое пекло! И чем дальше, тем становится жарче.

Старик открыл глаза. Лицо его было спокойно. Наверное, ему столько пришлось всего в жизни перенести, что надолго его ничто не может потрясти.

– Лизочка должна была уйти с пляжа в час дня, – сказал он. – Она задержалась. Почему? Из-за вас? Она вас ждала?

– Меня? – пожала плечами Лиза. – Да я ее сегодня впервые в жизни увидела.

По его лицу прошла словно бы тень. Старик словно бы загородился и теперь беседовал с Лизой несколько издалека.

– Ну, может быть, вы условились о встрече письменно... – проговорил он осторожно. – Или через какого-то человека, знакомого... Иначе почему она задержалась и почему отдала вам свою одежду, почему попросила зайти в ломбард?

– Да случайно все вышло, – прижала руки к груди Лиза. – Ей-богу, случайно. Моя одежда... я была раздета...

Эх, врать так врать!

– Моя одежда лежала около грузовика, а он взорвался. Все сгорело – вещи, сумка с документами. Я сама не пойму, как жива осталась. Кинулась в рощицу, а там девушка лежит. Она умирала, ну и сказала мне: возьми все, только отнеси квитанцию и скажи, что меня, мол, убило на берегу. Я оделась – не в купальнике же мне было в город добираться! – и пошла в Мезенск. К вам.

– Почему вы не сказали в ломбарде, что пришли по поручению Лизочки? Почему не сказали, а просто забрали медальон?

– Ах да, медальон? – Лиза только сейчас о нем вспомнила. Он же золотой, его надо вернуть. – Он в саквояже, сейчас достану.

– Стоять! – Полицейский навел на нее винтовку. – Хитрая какая! «Достану...» А там небось пистоль.

– Нету там никакого пистоля, честное слово, – растерянno пробормотала Лиза. – Можете сами посмотреть.

– Не волнуйся, посмотрю!

Полицейский очень ловко, продолжая держать Лизу на прицеле, левой рукой схватил, открыл и перевернул саквояж над большим круглым столом, застеленным кружевной скатертью, пожелтевшей от времени и стирок. Небогатое имущество Лизочки Петропавловской вывалилось на столешницу – зашелестели целлофановые пакеты от подарков Эриха Краузе, сыро, тяжело шмякнулся купальник Лизы Ховриной; выпал медальон.

– И правда нету.

– Угомонись, Петрусь, – приказал старик.

Петрусь? Ого! Лиза вдруг вспомнила песенку, которую частенько пела соседка-украинка:

Как за того Петр у́ся

Семь раз била мату́ся.

Ой, лихо – не Петрусь:

Било личко, черный вус!

В самом деле, небось много девок от него потерпели неприятности, от того Петруся. Больно уж хорош собой! Да черт ли тебе сейчас в его внешности?

– Так почему ничего не сказали? – повторил старик.

– Потому что я не могла... при том офицере.

– Что за офицер?

– Он тоже был на берегу, а потом подвез меня.

Старик вскочил резко, по-молодому. Толкнул Лизу на стул, наклонился. Лицо его стало недобрим:

– Кто он? Как зовут? Давно ли прибыл в Мезенск? Он ваш знакомый? Приятель? Где он живет? Где живете вы? Работаете? Где?

Тон его был таким... Он с такой лютой злобой сыпал вопросами! Лиза сначала оторопела, а потом возмутилась:

– Да что вы так со мной разговариваете? Устроили тут гестапо, понимаете ли!

– Гестапо? – прищурился старик. – Вы были в гестапо? Вас допрашивали? Или вы присутствовали на допросах? В качестве кого? В самом ли деле Лизочка убита на берегу? Она должна была встретиться с вами? Вы предали ее? Она в гестапо?

– Слушайте, да вы просто ненормальный! – с яростью прошипела Лиза. – Не шейте мне дело! Не нравится вам слово «гестапо»? Хорошо, пусть будет НКВД. Вот вам, пожалуйста: вы ведете себя как самый настоящий энкавэдэшник! Что, до прихода немцев допросы в застенках вели?

Старик снова сел на диван, откинулся на спинку. Лицо его смертельно побледнело.

– Батюшка... – обеспокоенно прошептал Петрусь, делая шаг к нему. Но старик раздраженно махнул на дверь, и Петрусь покорно отошел, занял пост около нее, изредка приоткрывая и выглядывая, не идет ли кто.

«Батюшка? Ростовщик его отец? – изумленно подумала Лиза. – Вообще-то в деды годится».

– Допросов не вел, – сказал старик, поворачиваясь к Лизе. Силы, видимо, вернулись к нему, лицо уже не выглядело таким помертвелым. – Но столь многожды был допрашиваем, что невольно усвоил некие манеры. С кем поведешься, знаете ли...

Он тяжело вздохнул. Помолчал.

– Значит, погибла Лизочка... эх... Бедная моя девочка!

В голосе его слышалась такая боль, что у Лизы сжалось сердце. Наверное, он хорошо знал Лизочку Петропавловскую. А может, она его родственница? Он ее дед?

И вдруг ее словно ударило внезапной догадкой. Да ведь Петрусь назвал старика батюшкой не потому, что тот – его собственный батюшка. Он обратился к нему, как на Руси обращаются к священникам! Этот старик... надписи на книгах...

– Вы – дед Лизочки? – так и ахнула Лиза. – Вы – отец Игнатий Петропавловский?

– Чертовщина! – прошипел у порога Петрусь, а старик потрясенно уставился на Лизу.

– Откуда вы знаете? Вам сказала Лизочка? Как же она решилась? – из него снова посыпались вопросы. – Мое имя никто не знает, только двое – Петрусь и Лизочка. Значит, она хотела, чтобы я поверил вам. Но почему не открыла вам пароль? Все было бы проще!

– Она не успела, умерла, – пояснила Лиза. – Да и при чем тут пароль? Поймите, если даже Лизочка и ждала кого-то на берегу, если и должна была с кем-то там встретиться, то вовсе не со мной. Я оказалась около нее случайно, говорю же! А ваше имя я увидела на книгах. Так просто было догадаться!

– Ну хорошо, – устало кивнул отец Игнатий. – В таком случае почему после ломбарда вы пошли сюда? Почему не отправились к себе домой? Почему не ринулись в комендатуру восстанавливать документы? Если среди ваших приятелей офицер интендантских войск, он мог бы помочь вам.

«Ага, – подумала Лиза, – значит, Алекс Вернер – интендант. При такой-то мужественной внешности и весьма любезных манерах – всего-навсего интендант? Какая скука! Вот, оказывается, что означают красные просветы в петлицах и на погонах. Ну, будем знать. Нет, хорошо бы никогда этого не знать!»

– Я... он ничем не мог мне помочь, потому что я познакомилась с ним только сегодня. Мы вместе плыли от островка, ну, знаете, там островок посреди реки, нас там обстрел застал. Потом вместе пытались спастись на берегу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.